

ЛитРес:

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

ЮЛИЯ НАБОКОВА

НЕВЕСТА из Оксфорда

Юлия Валерьевна Набокова

Невеста из Оксфорда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66478400

*Невеста из Оксфорда:
ISBN 978-5-535-00168-5*

Аннотация

Она – студентка из России. Он – английский лорд. Могут ли они стать парой? Он уверен, она – нет. Вопрос времени, как скоро у него пройдет первая влюбленность и он начнет разочаровываться в своей жене-простолюдинке.

Если она откажет и вернется в Россию, что ее ждет? Пустая квартира, новая работа и поиски любви. Не будет ли она сравнивать каждого нового парня с бывшим женихом и жалеть о том, что упустила свой шанс на английскую сказку с ним?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	44
Глава 5	70
Глава 6	98
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Юлия Набокова

Невеста из Оксфорда

© Набокова Ю., 2022

© ООО «ЛитРес», 2022

© «Яуза-каталог», 2022

Глава 1

Даже два месяца спустя мне не верилось, что я учусь в Оксфорде. Простая русская девчонка – без связей, без богатых родных. Это было все равно, что попасть в Хогвартс! А теперь я здесь – брожу по старинному городку с многовековой историей, слушаю лекции в гулких залах со сводчатыми потолками, запросто захожу в красивейшую библиотеку, где снимали «Гарри Поттера». Я словно в сказке!

Я как раз забегаю в дом, вымокнув под дождем, когда по скайпу звонит Наташа. Я принимаю вызов, шагая по ступеням на свой третий этаж.

– Привет, англичанка! – весело здоровается подруга.

На ней голубой пуховик и белая шапка с пушистым помпоном, из-под которой выбиваются каштановые кудри. Наташа стоит на фоне заснеженного двора и улыбается до ушей. Я расплываюсь в ответной улыбке:

– Привет!

– Ты чего там, под дождь попала? – удивляется она, глядя в экран.

– Угу. Льет как из ведра! – жалуясь я, другой рукой выжимая мокрую прядь волос.

– А у нас снег идет. Зацени! – Наташа обводит рукой с телефоном и показывает мне снежную панораму нашего двора.

– Красота! – Я так и прилипаю к экрану, всматриваясь в

знакомый дворик, где вовсю метет метель, как в новогоднем кино.

– Соскучилась по русской зиме? – весело спрашивает Наташа, и я замечаю, что ее щеки зарумянились от мороза.

В Англии привычной мне зимы и не было. Только однажды выпал снег, и то почти сразу же растаял. На дворе – середина декабря, а я все хожу в легкой куртке и даже не ношу шапку. Сегодня, например, плюс одиннадцать, и не то, чтобы я сильно жалуюсь.

– Честно говоря, зеленые газоны в декабре мне нравятся больше сугробов, – шучу я, отвечая на вопрос Наташи.

– Ну как там Оксфорд? – интересуется Наташа.

Моя мама, учительница английского в школе, мечтала хоть однажды побывать в Лондоне. А я не просто побывала в Англии. Я теперь учусь в самом знаменитом университете!

– Учусь целыми днями, – докладываю я подруге.

– Это я уже поняла, – хмыкает Наташа. – Как тебе ни позвоню – то ты на лекции, то в библиотеке.

Я останавливаюсь у своей квартиры, на ощупь нашариваю ключ и толкаю плечом просевшую деревянную дверь, входя в жилье, которое я снимаю от университета в старом доме викторианской постройки.

– Домой пришла? – оживляется Наташа. – Покажи хоть, как устроилась!

Я уже посылала подруге несколько фотографий и видео, но сейчас, сбросив промокшие ботинки и повесив куртку на

вешалку у двери, еще раз провожу экскурсию по своей комнатухе. Здесь только узкая кровать и столик у окна – за ним я и учусь, и пью чай. А еще шкаф у стены и ванная комната. Я живу здесь одна, чему очень рада.

– Жаль, что у тебя соседки нет, – вздыхает Наташа. – Все было бы веселей!

– Мне и так скучать некогда, – замечаю я, поглядывая на гору учебников на столе. Сегодня вечером еще надо поработать над письменным эссе по литературе и почитать Диккенса в оригинале. В Оксфорде, в отличие от российских вузов, много времени отводится для самостоятельного обучения студентов, и соседка мне бы только мешала.

– Опять в книжки будешь глаза пялить? – упрекает Наташа. – Ты же в Англии, Женька! Хоть бы съездила куда, прогуляла, мир посмотрела!

– Я сюда учиться приехала, – возражаю я.

Поступить в магистратуру Оксфорда было моей мечтой, и я собиралась наслаждаться каждым днем здесь.

– Хоть бы в Лондон съездила прогуляться, он же совсем рядом!

– Да некогда мне, Наташ!

– Так и просидишь все время за учебниками, – ворчит подруга. – Англия – это же такие возможности! Могла бы с каким-нибудь бритишем познакомиться и роман замутить!

– Не нужны мне бритиши, – отмахиваюсь я.

– А кто нужен? Французы, итальянцы? Или, может, ара-

бы? Их в Англии тоже полно.

– Да ну тебя, Наташка! У тебя мысли только об одном!

– У меня хотя бы о будущем, – смеется подруга. – А у тебя только об учебе!

– И я о будущем думаю. А оно зависит от учебы здесь!

– Лучше бы ты там замуж за англичанина вышла, и тогда о твоём будущем думал бы он! – замечает Наташа.

Не успеваю я возразить, как подруга торопливо прощается:

– Кирюша пришел! Все, я побежала! Мы в кино идем! Чмоки-чмоки!

Она отключается, а я кладу телефон на столик и останавливаюсь у окна, за которым льет серый дождь. Сейчас мне как никогда хочется перенестись в наш заснеженный дворик, обнять Наташку и вместе с ней пойти в кино на какой-нибудь веселый ромком. Но с тех пор, как я уехала в Оксфорд, у нее появился Кирюша, а у меня – никого. Даже новых друзей тут не завела. Да и учебный процесс в Оксфорде не предполагает совместных посиделок. Это в России после лекций на филфаке мы с сокурсниками могли собраться в кафе и обсуждать книгу или готовиться к семинару. В Оксфорде каждый был сам за себя. Нас как будто готовили к тому, что мы конкуренты друг другу, и каждый должен добиваться успеха в одиночку.

Я задергиваю шторы, включаю настольную лампу под зеленым абажуром и сажусь за учебники.

Что может быть лучше, чем изучать английскую литературу на родине Шекспира? Просыпаясь рано утром, чтобы успеть на лекции, я сама себе завидую. Ведь мне выпал такой шанс! Мало того, что поступила в магистратуру Оксфорда, так еще и выиграла полный грант на обучение! Таких счастливиц, как я, всего восемь человек в год выбирают. Годовая стипендия покрывает мое проживание, питание, покупку книг, и еще остаются свободные деньги, которые я пока берегу.

Свое первое Рождество в Оксфорде я встречаю одна, в своей стылой комнатке, накрывшись двумя одеялами сразу и готовясь к экзамену. А потом включаю на ноутбуке «Реальную любовь», которую знаю наизусть. Но посмотреть ее в Рождество в Англии особенно приятно.

Через три дня я все-таки устраиваю себе выходной от учебы. Сажусь в красный двухэтажный автобус и еду в Лондон, чтобы побродить по тем же улочкам, что и герои фильма. Глазею на рождественские декорации в Ковент-Гардене и записываю видео для Наташи. Потом люблюсь огнями на Эппл-маркет, фотографирую огромную нарядную ель и делаю селфи на фоне большого светящегося оленя.

«Наконец-то выбралась в люди! – радуется подружка. – Веселись!»

Я убираю телефон в сумочку, по московской привычке плотно прижимаю ее к себе – чтобы не украли, и иду в тол-

пе, особенно остро ощущая свое одиночество среди веселых компаний и парочек. Какая разница, где быть одинокой – в Москве или в Лондоне? Разве что обстановка другая. В моем сердце зияет огромная рана, и любимый и близкий человек, которого я потеряла навсегда, уже никогда мне не позвонит, чтобы поздравить с Новым годом или справиться о моих успехах в учебе. Меня ничто не радует в этой праздничной суматохе чужого города, блеск огней слепит глаза, чужое веселье – раздражает. И, пробыв в Лондоне всего пару часов, я запрыгиваю на автобус до Оксфорда, чтобы скорее укрыться от мира в своей крошечной комнатке. Там я хотя бы знаю, чем заняться. Учеба всегда меня спасает, когда становится невмоготу.

Новый год ничем особенным тоже не запоминается. Я гуляю по опустевшим улочкам Оксфорда – многие студенты-англичане разъехались по домам, и пью кофе из бумажного стаканчика. В Оксфорде я пристрастилась к кофе – чашка капучино до занятий, чтобы взбодриться и проснуться, и после – чтобы порадовать себя и согреться после целого дня, проведенного в стылых старинных аудиториях за изучением английской литературы.

В тот день в январе я возвращаюсь из библиотеки и, взяв кофе на вынос, решаю свернуть с проторенного маршрута. Оксфорд был построен в одиннадцатом веке, и его узкие мощенные улочки, казалось, уводят в прошлое. Он совсем не пострадал от бомбежек во время Второй Мировой войны, по-

тому что Гитлер хотел сделать его своей резиденцией. Благодаря этим несбывшимся планам, городок сохранил свой исторический колорит. Я люблю бродить по его улочкам, но мне отчаянно не хватает компании. Вот бы пройтись здесь с мамой или с Наташей... Задумавшись, я налетаю на парня, который выходит из одного из старинных пабов, и обливаю его кофе.

– Простите! – от волнения восклицаю я на русском. – То есть сорри, – поправляюсь я, опознав в нем чистокровного англичанина – с узким породистым лицом, бледной кожей, голубыми глазами и светлыми ресницами. На миг мне даже показалось, что передо мной – старший из принцев, но потом я поняла, что ошиблась. Ведь принцу уже под сорок. А парень, стоящий передо мной, выглядит лет на двадцать пять, и даже симпатичнее. Его элегантно серое кашемировое пальто расстегнуто, и сейчас по самому пальто и по белому пуловеру под ним расплывается пятно от моего кофе. Я мысленно сжимаюсь, готовая услышать в ответ брань.

Но он только улыбается, глядя мне в глаза, и с невозмутимым видом произносит:

– Полагаю, я должен вам чашку кофе.

Мне кажется, что я ослышалась. Да любой русский парень меня бы на его месте обматерил! А англичанин галантно представляется:

– Уильям.

Как будто я только что не облила его кофе посреди улицы,

а мы встретились на светском рауте у английской королевы!

– Джейн, – я называю имя, которым привыкла представляться здесь.

Мое полное имя – Евгения – по-английски произносится Юджини, и я оставляю его для официальных документов.

– Очень приятно, Джейн, – он чуть склоняет голову набок, изучая меня. А я – его прическу. Волосы у него светлые, слегка волнистые и идеально уложенные. – Вы ведь не из Англии?

– Я из России, – отвечаю с вызовом, уже заранее готовая к вопросам про медведей на улицах Москвы.

Но англичанин, не сводя с меня пристального взгляда, спрашивает о другом:

– И что вас привело в Оксфорд, Джейн?

– Любовь к английской литературе, – честно отвечаю я.

– Давайте обсудим это за чашкой кофе? – предлагает он.

И я соглашаюсь. Не могу же я отказать парню, на которого опрокинула полный бумажный стакан капучино!

– Как романтично! – восхищенно пищит Наташа, когда я вечером по скайпу рассказываю ей о знакомстве с англичанином. – Надо же, Уильям – как старший принц!

– Да тут этих Уильямов, как у нас – Вась!

– Жалко, что ты не Кейт, – продолжает возбужденно чиркать Наташа. – И что тебя мама Катей не назвала?

– Эй! Меня и мое имя устраивает! – осаживаю я подругу.

– А фотку его ты сделала? Покажи! Так интересно!

– Даже в голову не пришло, – разочаровываю я ее.

Наташа вздыхает, но затем продолжает гнуть свое:

– Значит, запал на тебя этот Уильям! Это судьба, Женька!

Точно тебе говорю!

– Не выдумывай, Наташ, – я отмахиваюсь. – Может, я его больше никогда и не увижу!

– Но телефон-то он у тебя взял? – не отстает подруга.

– Ну взял, и что с того?

– Сто пудов ты ему в душу запала! – подмигивает Наташа. – Где он еще такую русскую красавицу найдет?

Я смеюсь и накручиваю на палец длинный светло-золотистый локон. Пусть Уильям мне больше не позвонит, я все равно буду вспоминать этот вечер как маленькое приключение.

– А он не из королевской семьи? – интересуется Наташа с придыханием.

– Вряд ли, – я делаю вид, что задумалась. – Короны на нем не было. И белого коня под ним тоже. А то я бы заметила.

– Да ну тебя! – фыркает Наташа. – Судя по тому, что ты его кофе облила, а он тебя в кафе пригласил, он явно джентльмен.

Я улыбаюсь, вспомнив учтивые манеры Уильяма, его безупречное британское произношение. Именно такими я представляла героев романов Джейн Остин и Шарлотты Бронте. Уильям почти ничего не рассказал о своей семье, только о

том, что преподает математику в Оксфорде. Но я бы не удивилась, узнав, что он наследник какого-нибудь старинного рода. Во время нашей беседы я все время ловила на себе его заинтересованный взгляд. Я ему явно приглянулась, но также я понимала, что мы люди разного круга. Наверное, ему было забавно пообщаться со мной как с иностранкой из далекой снежной России. Но я не ждала продолжения знакомства и удивилась, когда на прощание он записал мой номер телефона. Должно быть, воспитание не позволяло ему проститься со мной иначе.

А еще сильнее я удивилась, когда на следующий день Уильям мне позвонил и предложил прогуляться. Мы шли по улочкам мимо исторических зданий университета, где я ходила не раз, и он рассказывал интересные факты об Оксфорде, о которых я раньше не знала.

О том, что Оксфордский замок раньше использовался как тюрьма, а сейчас в нем музей.

О том, что в колледже Крайст-Черч учились тринадцать премьер-министров Великобритании. А еще здесь учился, а позже преподавал Льюис Кэрролл, а Алиса, с которой он списал героиню своих книг, была одной из дочерей декана колледжа.

О том, что в Мертон-колледже преподавал Толкин, и здесь он писал «Властелина колец».

Про писателей Толкина и Кэролла, в отличие от премьер-министров, я знала, но не стала перебивать Уильяма.

Он был интересным рассказчиком, а я наслаждалась его британским произношением и чувствовала себя настоящей леди рядом с ним. Тоска, которая была моей спутницей последние полгода, постепенно отпускала, и я понемножку оживала. Тот вечер мы завершили в пабе «The Eagle and Child» – где любили бывать Толкин и Клайв Льюис, придумавший сказочную Нарнию. Я много раз проходила мимо этого небольшого трехэтажного здания с кремовым фасадом, но не знала его историю.

Потом Уильям пригласил меня на мюзикл в Лондон, позже показал мне Букингемский дворец и Тауэр. На Тауэрском мосту мы впервые сделали совместное селфи – Уильям сам предложил, и я в тот же день отправила фотку изнемогающей от любопытства Наташке. Подруга еще раньше просила меня скинуть ей фото с Уильямом или хотя бы ссылку на его страничку в Интернете. Но у Уильяма не было Инстаграма и Фейсбука, еще в начале нашего знакомства он сказал, что у него нет времени на соцсети.

Подружка сразу же перезвонила и, захлебываясь от восторга, заявила, что мы офигенно красивая пара. Даже лучше, чем принц Уильям и Кейт Мидлтон. После разговора с ней я поставила фото с Уильямом заставкой на телефон. Мы правда эффектно смотрелись вместе – оба светловолосые и голубоглазые, примерно одного роста.

Впервые с приезда в Англию я не чувствовала себя одинокой и стала выбираться из своей скорлупы. Уильям знако-

мил меня с английской кухней и достопримечательностями, расспрашивал о жизни в России, но почти ничего не рассказывал о себе и своей семье. При этом Уильям совершенно не стеснялся меня. Мы гуляли в публичных местах, часто встречали его знакомых или коллег по Оксфорду, и он охотно знакомил меня с ними. Правда, моего статуса никак не обозначал – просто «Джейн из России».

Мне льстило его внимание и то, как он терпелив со мной, когда я не всегда могла его понять или выразить свои мысли. Все-таки мой английский не был таким же свободным, как у носителей языка. И наши встречи я воспринимала еще и как повод попрактиковаться в разговорном английском. По моей просьбе Уильям поправлял меня, если я делала ошибки в речи, был всегда дружелюбен, учтив и деликатен. С Уильямом я больше не чувствовала себя одинокой. Впервые за долгое время я была кому-то нужна.

Глава 2

В середине января я шла на занятия, когда мое внимание привлек один парень. Судя по потерянному виду – новичок. Он стоял среди спешащих студентов и велосипедистов, пялился то в телефон, то по сторонам, не зная, куда идти дальше. Точно так же в первый день в Оксфорде потерялась я, и никто не пришел мне на помощь, а спросить я стеснялась...

– Привет! Помочь? – Я подхожу к нему, обратившись по-английски.

Парень смотрит на меня настороженно и надменно. Ма-жор – одет с иголочки, взгляд наглый, светлая челка зачесана наверх. Англичане такие прически не носят.

– Ты русский? – догадываюсь я, переходя на родной язык.

– Где тут?.. – Он ищет свой колледж, и я вызываюсь его проводить.

– Пойдем, мне как раз по пути.

За четыре месяца я неплохо освоилась в Оксфорде и уже могла бы проводить экскурсии. Особенно после прогулок с Уильямом.

Парень молча следует за мной, не спеша завести разговор или представиться.

– Я Женя. Изучаю лингвистику в магистратуре, – начинаю я первой.

– Дэн Громов, – отрывисто отвечает он. – Перевелся на

экономику.

Я не тороплюсь поддержать разговор и быстро шагаю, уворачиваясь от велосипедистов. Территория университета большая, и многие студенты приезжают на лекции на великах. Я же предпочитаю прогуляться. После паузы Дэн спрашивает сам:

– И как тебе Оксфорд?

– Ну, это Оксфорд! – восторженно восклицаю я.

Учиться здесь – все равно что в средневековом замке. Мы проходим мимо одного из символов университета – круглой ротонды Рэдклифа. Эта библиотека-купол растиражирована на открытках с Оксфордом. Рядом с ней любят фотографироваться туристы, а вход в ротонду, где находится читальный зал, разрешен только студентам.

– Обалдеть, да тут целый город! – Дэн, едва взглянув на ротонду, отворачивается, как будто видит такие памятники архитектуры каждый день. И только я хочу ему рассказать, что в Оксфордском университете есть театр, музеи, церкви и ботанический сад, как он обескураживает меня вопросом: – А тусы тут где проходят?

– Тусы? – изумленно уточняю я.

– Ну, тусы, пати, вечеринки... У кого я спрашиваю! – Дэн закатывает глаза. – Ты же сюда учиться приехала, зубрилка? Наверное, еще грант выиграла?

– Вообще-то да, выиграла, – сухо отвечаю я.

Не потому, что горжусь тем, что мне повезло. А потому,

что мажор ясно дает понять, что мы – разного поля ягоды. Уж ему-то учебу явно оплатили богатые родители.

– Тебе сюда. – Я указываю на нужное ему трехэтажное здание Университетского колледжа, где учился Билл Клинтон. Об этом мне недавно рассказал Уильям.

Дэн кивает и направляется к своему колледжу. На территории Оксфорда их тридцать восемь. Немудрено заблудиться в первый день учебы! Но мог бы хоть поблагодарить, с досадой думаю я, глядя ему вслед.

Мажор оборачивается и машет рукой:

– Спасибо!

Я с улыбкой киваю. Не совсем безнадежен. Вряд ли мы станем друзьями, но приятно встретить в Оксфорде кого-то из наших.

Бросаю взгляд на часы и бегу в обратном направлении. Я сильно отклонилась от маршрута, провожая Дэна, а опоздать на первую лекцию у нового преподавателя мне совсем не хочется. Влетаю в аудиторию одной из последних и ловлю на себе пристальный взгляд молодого красивого преподавателя, который уже занял место за столом.

– Проходите, – кивает он, узнав меня.

Я смущенно опускаю глаза и присаживаюсь во втором ряду с края. Лектор мне знаком – он подходил к нам, когда мы гуляли с Уильямом.

– Какой красавчик, – шепчутся студентки-англичанки за спиной. – Интересно, у него есть девушка?

Вообще-то, у него есть парень. Но я решаю их не разочаровывать.

Вторая половина января пролетает незаметно. Я прилежно учусь, однажды сталкиваюсь с Дэном – что удивительно, в библиотеке! Правда, не успеваю я удивиться, как мажор сует мне айфон и просит сделать ему фотку для Инстаграма. Потом я прохожу в читальный зал, чтобы позаниматься, а Дэн исчезает – учеба явно не входит в список его интересов.

Два-три раза в неделю мы встречаемся с Уильямом. Каждый раз он приглашает меня в новые места, продолжая знакомить с Англией и ее культурой. Он как будто взял над мной шефство – как тьютор, которого приставляли в Оксфорде к студентам. При этом Уильям продолжает держаться на расстоянии и совершенно не пытается со мной сблизиться – ни взять за руку, ни поцеловать. Если в наши первые встречи я чувствовала себя скованно, ожидая от него этого, то постепенно стала недоумевать: что со мной не так?

– Мы встречаемся уже месяц, а он даже за руку меня ни разу не подержал. Только когда помогал выйти из машины, – делюсь я с Наташей, которая следит за моим романом, как за сериалом BBC.

– Настоящий джентльмен! – Наташа восхищенно закатывает глаза. – Ты же такого хотела?

А я и сама не знала, чего хочу. Но не могла не замечать пропасти между нами. Он был старше на три года, образо-

ваннее, богаче. Уильям элегантно и дорого одевался, всегда приходил в новой одежде. Даже пальто у него все время были разные! А у меня – одна и та же куртка, одни и те же ботинки, пара-тройка приличных кофточек и одни джинсы. Каждый раз я прощалась с ним, будучи готовой к тому, что вижу его в последний раз. И когда он не звонил два-три дня, была уверена, что наш странный роман закончен. А потом он появлялся снова, звал в театр, в музей, в парк, на концерт классической музыки – и я с радостью бежала к нему, привязываясь с каждой встречей все больше.

Это случилось в феврале, когда мы осматривали руины средневекового замка в каком-то городке, названия которого я не запомнила. Мы как раз поднялись на вершину холма, когда пошел дождь, и мы спрятались внутри полуразрушенной башни.

Сверху капало, и Уильям, сняв пальто, укрыл нас с ним с головой, как пологом. Мы стояли в сумерках посреди романтических руин, лицом друг другу, так близко, как никогда прежде. Мое сердце замерло, когда Уильям наклонился ко мне и поцеловал.

– Ты такая красивая, – шепнул он в мои раскрытые губы, и его глаза сверкнули в полумраке. – Я люблю тебя, – он нежно провел пальцем по моей щеке, стирая капельки дождя.

Я замерла, ошеломленная этим признанием. Прежде Уильям никак не выражал своих чувств ко мне. Как будто сти-

хия, бушевавшая вокруг, раскрепостила его и выпустила на волю его эмоции. А ведь всего пару дней назад был День Святого Валентина, и он даже эсэмэской меня не поздравил!

Небо над нами прорезала ослепительная молния, затем вдалеке прозвучал раскат грома. Наверное, если бы молния ударила прямо в меня, я была бы поражена меньше, чем когда слышала следующие слова Уильяма:

– Выходи за меня замуж.

– И что ты ему ответила?! Когда свадьба? – Наташа визжит от радости, когда я добираюсь домой и звоню ей по скайпу.

– Да погоди ты про свадьбу, – перебиваю я. – Наверное, если бы ко мне явился великан Хагрид и пригласил учиться в волшебный Хогвартс, я бы удивилась меньше, чем когда Уильям сделал мне предложение.

– Ты что, не сказала ему «да»? – Наташа шокированно таращится на меня с экрана смартфона. – Женька, ну ты даешь! Бритиш в тебя втюрился по полной, замуж зовет, а ты еще сомневаешься?

– Да я его совсем не знаю, Наташ! – восклицаю я. – Мы сегодня поцеловались впервые! А он сразу и в любви признался, и замуж позвал! Я за ним не успеваю!

– Надеюсь, ты ему этого не сказала? – хмыкает Наташа.

– Я сказала, что мне надо подумать.

– А он?

– А он ответил, что познакомит меня со своей семьей, – обреченно вздыхаю я.

Даже не знаю, что меня пугает больше – предложение Уильяма или знакомство с его родственниками, о которых он раньше ничего не рассказывал.

– А я-то уж раз мечталась у тебя на свадьбе в английском замке погулять, – Наташа сникает.

– Ты о чем? – не понимаю я.

– А ты думаешь, тебя его семья с распростертыми объятиями примет? Русскую студентку без роду без племени? Вставят твоему Уиллу мозги обратно и мигом ему подыщут какую-нибудь чистокровную британку.

– Ты так говоришь, как будто речь о породистых кошках! – фыркаю я.

– Вся надежда была на тайную свадьбу, – вздыхает Наташа. – Ладно, Женька, губу не раскатывай. Расскажи лучше, как он целуется? Зачетно?

– Чего? – Я не сразу понимаю, о чем она.

– Ну, отличается от наших парней? – шепчет Наташа, кося глазом куда-то в сторону.

– У тебя там кто, Кирюша? – догадываюсь я.

– В душ пошел, – признается Наташа.

А ведь и слова не сказала, что не одна, когда я позвонила ей по скайпу!

– Ой, я тебя отвлекаю, – смущаюсь я, а потом таращу глаза. – Да ладно! Так вы с ним уже... того?

– Того! – довольно ухмыляется Наташа. – Что ты как маленькая, Жень! Тебе уже двадцать два, а не двенадцать! Конечно, мы с ним спим! Не только в кино ходим и попкорном хрустим.

Я краснею, а Наташа смеется еще громче и советует:

– Ты своему британцу тоже дай. Может, он тогда и жениться передумает!

– Ты думаешь, он мне предложение сделал, чтобы в постель затащить? – настораживаюсь я. Такая мысль мне даже в голову не приходила.

– Да не знаю я, – Наташа пожимает плечами. – Сама же говоришь – странно это все! Знакомы мало, поцеловались в первый раз – и сразу замуж зовет. Может, конечно, у этих бритаишей так принято. Кто их знает!

Я растерянно замолкаю, а Наташа спрашивает:

– Делать-то что будешь?

– Что-то, – я вздыхаю. – Придется знакомиться с его родней.

И я даже не знаю, что будет хуже – если я им не понравлюсь или если понравлюсь. Меня устраивает компания Уильяма, мы приятно проводим время вместе, и терять его мне жаль. Но и замуж выходить я не собираюсь. Мне учиться надо! Будет глупо упустить шанс и забросить учебу в Оксфорде ради замужества. Я хочу получить образование, стать независимой, а уже потом можно будет подумать о семье. Все это я на одном дыхании выпаливаю подруге.

– Ты его не любишь, – заключает Наташа, неодобрительно поджав губы.

– Ты вообще чья подруга? Моя или его? – возмущаюсь я.

– Твоя, поэтому и желаю тебе добра! С Уиллом!

– Ой, все! Иди к своему Кирюше!

– Я-то пойду, а ты все равно своего Уилла не любишь. А жаль. Судя по твоим рассказам, хороший парень!

Разговор с Наташей оставил тягостное чувство. Подруга не поняла моих сомнений. А я и сама себя не понимала. Впервые в жизни мне сделали предложение. А я вместо радости впала в уныние. Как жаль, что рядом нет мамы, чтобы посоветоваться с ней! Интересно, понравился бы ей Уиллом? Думаю, да. Красивый, умный, образованный, вежливый, с достатком. Идеальный жених. Вот только в глубине души мне было жаль терять его как друга.

А тот поцелуй среди руин замка оставил смешанные чувства. С одной стороны, это было очень романтично, как в каком-то кино, которое я смотрела со стороны – сидя в темном зале рядом с Наташей. А с другой, я совершенно ничего не почувствовала. Ни вспыхнувшей между нами искры, ни тепла в груди, ни бабочек в животе. Ведь должны же быть бабочки, правда?

Глава 3

На следующий день у нас отменили одну из лекций. Я почитала в Бодлеанской библиотеке – одной из старейших в Европе, той самой, где снимали фильмы о Гарри Поттере, снова сама себе завидуя. Я студентка Оксфорда! Сказка же! Читать английские романы в старинном зале с книжными шкафами от пола до потолка было куда приятней, чем в моей комнатухе для студентов, похожей на чулан. Но вскоре я замерзла – по гулкому залу гуляли сквозняки, пальцы озябли, и я вышла из библиотеки, мечтая скорее оказаться у себя, надеть теплые шерстяные носки, заварить чашку горячего чая и забраться под одеяло.

Я живу в старом трехэтажном доме викторианской постройки, по три комнаты на этаже, и за несколько месяцев выучила в лицо всех соседей – таких же студентов, как и я. Мы постоянно сталкиваемся на лестнице, а иногда забегаем друг к другу – одолжить чайный пакетик или сахар. Поэтому незнакомый хмурый мужчина, который быстро спускается по лестнице мне навстречу, меня настораживает. Ему лет сорок, он явно вышел из студенческого возраста, да и на преподавателя не тянет. Может, у какой-то моей соседки роман с женщиной старше нее?

Я здороваюсь, но он, не взглянув на меня, проскакивает мимо. За спиной громко хлопает дверь, я морщусь – от муж-

чины крепко пахнет табаком, а я курящих не выношу.

Поднявшись на свой третий этаж, достаю ключи и замираю от недоброго предчувствия. Что-то не так. Я не могу понять, что именно, и осторожно трогаю дверную ручку. Дверь заперта, причин для тревоги нет, но нервы напряжены до предела, поэтому я вздрагиваю, когда за спиной раздается звонкий голос:

– Привет, Джейн!

Я резко оборачиваюсь на вышедшую соседку. Француженка Николь учится на факультете дизайна и всегда выглядит, как девушка с обложки. Сейчас на ней черное приталенное пальто и красный берет, контрастирующий с темными гладкими волосами до плеч. На мне такие вещи смотрелись бы вычурно, а она носит их с парижским шиком, собирая восхищенные взгляды. Мог ли тот мужчина навещать ее?

– Привет, Николь. У тебя был гость?

– У меня? – Соседка изумленно скидывает черные соболиные брови. Они у нее идеальные, как и все остальное. – С чего ты взяла?

Я уже и сама понимаю, что ошиблась. Тот мужчина, грубый и простецкий, одетый в мешковатую куртку, никак не монтируется с изящной француженкой.

– Встретила на лестнице, – поясняю я. – Мужчина лет сорока, я его раньше никогда не видела.

– Может, сантехник заходил? – предполагает Николь, запирая свою дверь. – Роза вчера жаловалась, что у нее кран

течет.

– Может быть, – я не стала спорить. Мужчина в самом деле больше походил на работягу, чем на интеллектуала. Но он точно не был сантехником – чемоданчика с инструментами при нем не было.

– Салют! – Николь прощается по-французски и сбегает по лестнице, легко и задорно стуча каблучками.

А я захожу к себе в комнату и чуть не задыхаюсь. Запах табака висит в воздухе, сообщая о том, что мужчина был у меня. Я испуганно отступаю, желая бежать, но останавливаюсь на пороге. Мужчина ушел. Дверь была заперта. Его подельникам в тесной комнатухе спрятаться негде. Разве что в шкафу или в ванной.

Я распахиваю створки шкафа, проверяю ванную – пусто. Затем запираю дверь и оглядываю комнату, ища следы чужого присутствия. Их нет. Мои вещи лежат на своих местах. Налички у меня нет, как и драгоценностей, которые можно украсть. Уж если кого грабить, то Николь – у француженки водились деньги, и она любила украшения, в том числе старинные, которые покупала в Англии на блошиных рынках. Что тот мужчина мог делать в моей комнате? А может, я все придумала, и мне просто показалось?

Я опускаюсь на узкую кровать, глубоко вдыхаю, пытаюсь успокоиться, и меня сразу же мутит. Запах табака явно свидетельствует о том, что у меня побывал чужак. Я вскакиваю на ноги и распахиваю форточку. Порыв влажного ветра вле-

тает в комнату, лизнув мои пылающие щеки, и ныряет под кровать, выталкивая к моим ногам фотографию.

Я наклоняюсь и ахаю. На фото – я с мамой. Я привезла его с собой – чтобы мама была рядом. Я хранила его в коробке в шкафу, и то, что снимок сейчас оказался лежащим под кроватью, могло означать только одно: мне не почудилось. Тот мужчина был у меня в комнате, рылся в моих вещах и случайно обронил фото, не заметив, как оно отлетело под кровать.

Меня трясет от паники. Я выскакиваю за дверь, дрожащими руками запираю замок и несусь в главный кампус.

Седая англичанка на рецепции долго не может понять, чего от нее хочет встревоженная русская девушка.

– Говорите помедленнее! Я не понимаю! – недовольно ворчит она, всем своим видом показывая: «Понаехали тут!».

Я еще раз повторяю, как встретила мужчину, выходящего из общежития. Как почувствовала запах табака в своей комнате. А потом нашла фотографию под кроватью – где ее быть не должно.

– Что пропало? – строго спрашивает кастелянша, глядя на меня.

– Ничего не пропало, он ничего не взял.

– Значит, ограбления не было? – недоверчиво уточняет она. – Чего тогда вы хотите?

– Да поймите вы, – снова завожусь я. – Этот мужчина проник в мою комнату, рылся в моих вещах.

– Но ничего не взял, – она поджигает тонкие бледные губы. – А может, вам это почудилось?

– Ничего мне не почудилось! – возмущаюсь я.

– От вас, русских, вечно проблемы, – ворчит кастелянша себе под нос.

– Что вы сказали? – Я пораженно смотрю на нее.

– Я? – Она делано удивляется. – Это вы все говорите, говорите! У меня от вас уже мигрень разыгралась.

Поняв, что я ничего не добьюсь, я сдаюсь и спрашиваю:

– Могу я поменять замок на двери?

– Как вам будет угодно, – цедит она и отворачивается от меня к парню, который пришел за ключами.

– Вы можете прислать слесаря? – уточняю я, с трудом сдерживая слезы от ее равнодушия.

– Можете оставить заявку, – сердито бубнит она. – Но это будет нескоро.

Я выбегаю из кампуса расстроенной. Как я могу ночевать в квартире, если тот мужчина может вернуться и вломиться ко мне?

Я иду по Оксфорду, не видя ничего перед собой, когда натыкаюсь на Дэна Громова.

– Женька, привет! – Он расплывается в улыбке, но становится серьезным, взглянув мне в глаза. – Тебя кто-то обидел? На тебе лица нет.

Меньше всего на свете мне хочется сейчас объясняться с мажором, и я огрызаюсь:

– Отвали!

Но он неожиданно участливо трогает меня за плечо:

– Я правда помочь хочу!

Мне так не хватало в Оксфорде простого дружеского участия, что даже это мимолетное касание выбивает меня из колеи, и я всхлипываю, уже не совладав со слезами.

– О, да, я смотрю, тут беда-беда! – Мажор протягивает мне платок, который я машинально беру и с удивлением на него смотрю.

– Бери-бери, чистый, – по-своему растолковывает Дэн мое замешательство.

– Кто сейчас вообще носит носовые платки? – Я улыбаюсь сквозь слезы. – Есть же бумажные!

– Это папино воспитание, – мне кажется, что Дэн смутился. – Приучил меня, что всегда нужно носить носовой платок. На случай, если понадобится вытереть слезы красивой девушке.

– Хороший у тебя папа, – замечаю я, промокая платком глаза.

– Не жалуюсь, – сдержанно отвечает Дэн.

– Он у тебя где, в Лондоне? – спрашиваю я, зная, что многие российские бизнесмены живут в британской столице и рулят бизнесом отсюда.

– Нет, в Москве. У него там, – Дэн невесело усмехается, – любовь...

Мне кажется, что парень почувствовал себя лишним, по-

этому и сбежал на учебу в Оксфорд в середине учебного года. Но задавать неудобные вопросы я не стала. Высморкалась в платок и пообещала:

– Постираю и верну.

Уже собиралась прощаться, как Дэн удержал меня за рукав куртки:

– Эй, не убегай. Пойдем возьмем кофе, и ты мне все расскажешь!

Возвращаться в общежитие, где я больше не чувствовала себя в безопасности, не хочется, и я следую за Дэном. Вдруг он правда сможет помочь?

В кафе, за чашкой капучино, я рассказываю обо всем, что случилось. Если поначалу Дэн слушает недоверчиво, то, когда я упоминаю о фотографии, которая из закрытой коробки в шкафу очутилась под кроватью, хмурится и уточняет:

– Ты уверена, что не обронила фотку сама?

– Уверена, – отрезаю я. – Это моя любимая фотография с мамой, и я всегда убираю ее в коробку в шкафу. Боюсь пролить на нее чай или помять.

Дэн пристально смотрит на меня. Кажется, он все понял. Но спрашивать ничего не стал, за что я ему благодарна. Обсуждать сегодня еще и маму мне не хочется. Тогда точно расплачусь опять.

– Выходит, этот мужчина проник к тебе в комнату и обыскал твои личные вещи, – хмурится Дэн. – Но зачем?

Я пожимаю плечами.

– Без понятия! Братъ у меня нечего.

– А ключи ты не теряла? – уточняет Дэн.

– Нет, связка всегда со мной.

– Получается, он вскрыл замок отмычкой, – задумчиво говорит Дэн. – Похоже, на тебя охотится русская мафия!

– Ну да, конечно! – Я фыркаю от смеха. Когда про русских шпионов шутили сокурсники-англичане, меня это задевало. Но с Дэном можно расслабиться, говорить на родном языке, не боясь ошибиться, и смеяться его шуткам.

– Тогда это точно британская разведка, – продолжает прикалываться Дэн. – Он был похож на Джеймса Бонда?

Я вспоминаю лицо мужчины, которого видела мельком, и мне становится не до смеха.

– Что? – спрашивает Дэн.

– Знаешь, – признаюсь я, – когда ты сказал про британскую разведку... Я поняла, что тот мужчина совсем не был похож на англичанина. Скорее, это был русский.

Дэн мгновение пялится на меня, не мигая, а затем убитым тоном говорит:

– Значит, все-таки мафия. – И в ужасе оглядывается по сторонам.

В кафелюдно, мы сидим в самом углу, а вокруг звучит оживленная речь – в основном, английская, но ее разбавляют французская, испанская и даже китайская. В Оксфорде примерно треть иностранных студентов.

– Переигрываешь, – усмехаюсь я.

– Я ужасно заинтригован, – признается Дэн нормальным голосом. – Вот, вроде, Женька, ты простая девчонка, как три копейки, а такие шпионские страсти у тебя происходят! Даже завидую!

– Ну, спасибо за комплимент! – вспыхиваю я.

– Да ладно, не обижайся. Сама же знаешь.

– Знаю, – вздыхаю я, грея руки о чашку. – Что мне теперь делать, Дэн? Замок бы поменять, чтобы спокойней было. Но кастелянша меня послала. А я даже не знаю, где слесаря искать.

– Ну, это не проблема, – подмигивает Дэн. Мол, все решим!

– Ты мне замок меняешь? – удивляюсь я. – Вот спасибо! Никогда бы не подумала, что ты это умеешь... Тебя папа научил, да?

Дэн надменно усмехается, а я осекаюсь.

– Сам не меняю, – отвечает он. – Но позову того, кто меняет.

Мы выпиваем еще по чашке кофе. Дэн в это время с кем-то списывается и договаривается, потом спрашивает мой адрес, диктует собеседнику и поднимается.

– Ну пошли.

– Куда?

– Замок покупать. Тут на соседней улице есть хозяйственная лавка.

В лавке Дэн выбирает самый дорогой замок с каким-то хитроумным механизмом, но я возражаю:

– Не нужен мне такой! Возьму попроще.

– Попроще тебе уже взломали, – отмахивается Дэн. – Я оплачу!

– С какой это стати?

– Я что, не могу подарить девушке замок? – усмехается Дэн. – Не замок же! – Он делает ударение на первый слог, а я сразу вспоминаю наш с Уильямом поцелуй среди развалин крепости.

– Вообще-то, я не твоя девушка, – возражаю я.

– Да, на мою девушку ты не тянешь, – Дэн окидывает меня насмешливым взглядом. – Ты уж извини, подруга, ты, конечно, ничего так, зачетная блондиночка, но приехать в Англию и встречаться с русской девчонкой – как-то не прикольно!

Я задыхаюсь от возмущения. Можно подумать, я к нему в девушки набиваюсь!

– Да нужен мне такой... мажор!

– А кто тебе нужен, английский принц? – насмешливо уточняет Дэн. – Так они уже заняты. Оба.

– У меня свой принц есть, – вырывается у меня. – И он мне вчера предложение сделал!

– А где кольцо? – не верит Дэн.

Пфф! Ну как с ним разговаривать! Я выбегаю из лавки, но Дэн нагоняет меня и кладет руку на плечо.

– Ладно, Женька, не сердись! Скучно мне тут, даже пого-

ворить не с кем. Нам надо друг друга держаться. Мир?

– Мир, – сдаюсь я.

Мне тоже часто бывает одиноко. Пусть мажор – и не лучшая компания, но все лучше, чем ничего! В России он бы со мной даже разговаривать не стал, но здесь, на чужбине, мы могли стать если не друзьями, то хотя бы приятелями.

Мы возвращаемся в лавку, где договариваемся на компромисс и выбираем замок средней ценовой категории, за который я плачу сама.

А когда доходим до моего дома, у подъезда уже ждет крепкий темнокожий парень с рюкзаком. Судя по синему шарфу поверх куртки, он тоже студент Оксфорда.

– Эдди, – представляет мне его Дэн. – Мастер на все руки!

– А я Джейн.

Парень сверкает белозубой улыбкой:

– Ну, показывай, Джейн!

Мы втроем проходим в дом и поднимаемся на мой этаж.

Я ставлю чайник, чтобы угостить ребят чаем. Эдди сразу же достает инструменты и принимается откручивать старый замок. А Дэн вертит головой и бесцеремонно плюхается на мою кровать у стены.

– Вот, значит, как живут студенты в Оксфорде?

– А ты снимаешь замок? – вскидываю брови я.

Университет предоставляет жилье иностранным учащимся, но обеспеченные студенты снимают более комфортные квартиры у частных.

– Ну, не зааамок, – насмешливо тянет Дэн. – Так, полдомика.

Я закатываю глаза. Мажор, что с него взять!

– Если горячую воду отключат, можешь заглянуть помыться, – подмигивает Дэн.

– Эй, малыш, ты вообще-то меня года на три младше. Тебе сколько, девятнадцать?

– Двадцать, – не смущается Дэн. – А тебе что, уже двадцать три, старушечья? Выглядишь максимум на девятнадцать.

– Мне двадцать два.

– Не страшно. Я люблю опытных женщин. Моей бывшей было двадцать шесть.

Эдди с любопытством косится на нас, пока мы говорим по-русски, и прикручивает замок.

С лестницы доносится игривый стук каблучков, и в открытую дверь заглядывает Николь, вернувшаяся с занятий:

– Дженни, у тебя чего дверь нараспашку?

– Замок меняю.

– А чего, сломался? – удивляется Николь. – Или ключи потеряла?

– Угу, сломался, – я решаю не вдаваться в подробности.

Из-за двери со стороны комнаты выглядывает Эдди и беззубо улыбается французенке. Она улыбается ему в ответ и бросает кокетливый взгляд на Дэна.

– Знакомься, это Эдди и Дэн, – представляю я. – А это

Николь.

– Хотите чаю, Николь? – предлагает Дэн, как будто он тут хозяин.

– Предпочитаю кофе. И круассаны. – Француженка очаровательно улыбается и уходит, оставив после себя ароматное облачко духов.

Хлопает дверь соседней квартиры. Эдди заканчивает с замком и объявляет:

– Готово! Проверь, Джейн. Я тебе еще и дверь починил, а то она у тебя покосилась.

Неужели мне больше не придется налегать на дверь плечом? Какое счастье! Я готова расцеловать Эдди, но, помня о церемонности англичан, ограничиваюсь словами признательности и предлагаю заплатить за работу. Эдди благородно отказывается, но соглашается выпить чаю. За чаепитием я выясняю, что он изучает математику в колледже Квинс, где преподает Уильям. А с Дэном они познакомились на студенческой вечеринке.

– Скажи, Дженни, а это тебя я видел с нашим преподом, сэром Торнтоном? – решается спросить Эдди.

Не то чтобы мы скрываем наши встречи, но я смущаюсь. А мажор удивленно вскидывает брови:

– Это препод тебе сделал предложение?

– Дэн! – шикаю я. – Думай, что говоришь!

Хорошо, что мажор сказал это по-русски, и Эдди ничего не понял.

– А ты, Женька, не так проста, как кажешься, – мажор задумчиво разглядывает меня. – С преподом мутишь, в комнату к тебе кто-то влез. Интересно живешь, а с виду тихушница!

– На случай, если я ошибся, – добавляет Эдди, так и не получив ответа, – может, как-нибудь встретимся?

Я ему явно приглянулась, поэтому он приуныл, когда я покачала головой.

– Извини, я не могу.

– Понял.

– Ладно, Эдди, пошли. – Мажор поднимается с места и подталкивает приятеля к выходу. – Дженни учиться надо.

Я еще раз благодарю их за помощь. Дэн выпускает Эдди в коридор, а сам задерживается у двери и спрашивает:

– А ты не думаешь, что твой препод может быть связан со взломом?

– Кто, – удивляюсь я, – Уильям?

Мне даже мысль такая в голову не приходила.

– Да он у меня ни разу не был и не знает, где я живу.

– Может, он у тебя ревнивец, – предполагает Дэн. – И помешан на контроле. Сама же говоришь – ничего не украли, только личные вещи перетряхнули.

– Он не ревнивец, – я качаю головой, отметаив эту версию. – Точно нет!

Представить, что Уильям нанял какого-то бандита, чтобы порыться в моих вещах, было решительно невозможно.

– Ладно, – Дэн машет рукой, – не парься. Может, вообще не к тебе хотели влезть, а дом перепутали. Закрывайся. Если что – звони!

Я запираю за ним дверь и усмехаюсь. Как же, звони! Номерами телефонов мы не обменялись.

Но не успеваю я взять со стола чашки, чтобы вымыть, как раздается стук в дверь. Я вздрагиваю, но сразу же слышу голос мажора:

– Жень, это я!

– Забыл чего? – удивляюсь я, открывая дверь.

– Номер телефона скажи, – мажор достает айфон.

– Чей?

– Королевы Елизаветы! Хочу ей спокойной ночи пожелать. – Мажор закатывает глаза. – Жень, ну не тупи! Твой, чей же еще!

Я диктую номер, и Дэн мне сразу же перезванивает.

– Мой тоже сохрани. Мало ли что.

После его ухода я сажусь за учебники, но никак не могу сосредоточиться. То вскакиваю и проветриваю комнату, потому что меня до сих пор преследует запах табака, то распакиваю шкаф и проверяю загранпаспорт, испугавшись, вдруг его украли. Паспорт на месте, но, стоя у двери, я слышу шаги в коридоре, которые останавливаются на нашем этаже.

Сердце обрывается в груди, и я на цыпочках крадусь к двери и заглядываю в глазок. На этаже стоит Дэн, и я удивляюсь, зачем он вернулся. Может, забыл что-то у меня? Уже

собираюсь открыть дверь, как он проходит мимо и стучит в дверь Николь. Я удивленно замираю.

Француженка приоткрывает дверь, и Дэн показывает ей бумажные стаканчики с кофе и пакет из кондитерской.

– Кофе и круассаны для мадемуазель! – весело объявляет он.

Дверь открывается шире, и Дэн входит в квартиру Николь. Я с улыбкой качаю головой. А мажор времени зря не теряет! Честно говоря, я бы и сама не отказалась от кофе и круассанов. Но ставлю чайник, достаю пачку печенья и возвращаюсь к учебе.

Наутро, выходя из квартиры, сталкиваюсь на площадке с Дэном. Он выходит от Николь – слегка помятый, но довольный, как мартовский кот.

– Доброе утро! Как спалось? – насмешливо спрашиваю я.

– Суперски, – ничуть не смущается он. – Твоя соседка такая горячая.

– Эй! – перебиваю я. – Избавь меня от подробностей.

– Не подумай ничего такого, – Дэн усмехается. – Мы всю ночь спорили о французской революции.

– Ну да, конечно! – фыркаю я, запирая дверь, и спускаюсь по лестнице.

Дэн нагоняет меня, но, выйдя на улицу, мы расходимся. Я направляюсь на занятия, а Дэн – в противоположную сторону от универа. Похоже, досыпать в своем съемном элитном

жилье. Я качаю головой, глядя ему вслед. Я с таким трудом получила шанс учиться в Оксфорде, а он своего даже не ценит!

Почти дохожу до нужного мне здания, когда меня обгоняет велосипедист и останавливается.

– Доброе утро, Джейн!

Уильям, как и многие молодые преподаватели, ездит на работу на велосипеде. Хотя его вполне можно принять за студента – он всего-то на три года старше меня и преподает первый год. На симпатичного препода заглядываются проходящие девушки, но его голубые глаза смотрят только на меня, и ласковая улыбка предназначена только мне. Он такой красивый, как будто сошел с экрана фильма производства BBC. И это он целовал меня среди руин средневекового замка под дождем и сделал мне предложение.

– Привет, – я улыбаюсь в ответ смущенно.

После нашего поцелуя мы не виделись пару дней, и я не знаю, как теперь вести себя с ним.

– Какие планы на выходные? – интересуется он.

– Никаких, кроме самостоятельных занятий, – осторожно отвечаю я.

– Тогда не откажешься съездить со мной в гости к родителям? – предлагает он.

А у меня сердце замирает в груди. Это что же, у нас, правда, все так серьезно?

– Джейн? – торопит меня Уильям.

Мы стоим посреди улицы, и Уильям на велосипеде мешает проходим.

– Да, конечно, – бормочу я.

– Ну, тогда до скорого!

Уильям уезжает, а я продолжаю стоять столбом, глядя ему вслед.

Выходные – это ведь уже послезавтра? Ой, мамочки!

Глава 4

В субботу в одиннадцать Уильям заезжает за мной. Я взволнованно причесываю распущенные волосы у зеркала, наматываю поверх куртки синий оксфордский шарф и сбегаю по лестнице.

У подъезда ждет черный автомобиль. Уильям выходит, чтобы открыть для меня дверцу. Как всегда – красивый, гладко выбритый и элегантный, в черном кашемировом пальто, из-под которого виднеется ворот белого свитера. Этот свитер напоминает мне тот, что я облила в день нашего знакомства, и это кажется мне очень романтичным. Он помнит? Я тянусь к нему, ожидая, что он меня поцелует. Но Уильям снова сдержан и холоден, и я, подавив разочарование, ныряю в салон и пристегиваюсь.

– Далеко ехать? – спрашиваю я, когда Уильям садится за руль.

Мы с ним впервые вдвоем в машине. До этого мы всегда путешествовали автобусами или брали такси. Я даже не знала, что он водит. Его автомобиль выглядит новым и дорогим – слишком дорогим для простого преподавателя Оксфорда.

– Около часа.

Я жду продолжения, а на языке вертится сотня вопросов: куда мы едем, где живут его родители, какие они, собирается ли он им сказать, что сделал мне предложение? Но Уильям

молчит, сосредоточенно глядя на дорогу.

Сегодня выходной, и на главной улице Оксфорда Хай-стрит полно туристов и студентов. То и дело приходится тормозить, пропуская пешеходов, а затем мы пристраиваемся за красным двухэтажным автобусом из Лондона. Уильям даже не пытается его обогнать – просто терпеливо едет следом и ждет во время остановки, пока выходят пассажиры. Когда автобус наконец сворачивает с Хай-стрит и мы вырываемся вперед, осмеливаюсь спросить:

– Мне нужно знать что-то о твоих родителях?

Уильям никогда не рассказывал о них и сейчас тоже не торопится.

– Они милые. Сама увидишь.

– Не сомневаюсь, – бормочу я, нервничая все больше.

Узкие старинные улицы остаются позади, и мы выезжаем за город. Направляемся не к Лондону, а в противоположную сторону от столицы.

– А где живут твои родители? – снова подаю голос я.

– Что? – переспрашивает Уильям. – Извини, я задумался.

– Я спросила, где живут твои родители.

Уильям называет какой-то английский городок, название которого мне ни о чем не говорит. Жду, что Уильям что-то расскажет о нем, как всегда рассказывал мне интересные факты об Оксфорде, Лондоне и других местах, где мы бывали. Но он снова молчит, и его молчание начинает меня тяготить еще сильнее. Неужели он не понимает, как я волнуюсь?

Я еще никогда не знакомилась с родителями парня. Тем более – с родителями парня-англичанина! Мне кажется, я от волнения забуду английский язык и выставлю себя полной душой. Знать хотя бы, чего ждать от его семьи! Но Уильям совершенно не хочет мне помочь.

– Как зовут твою маму? – спрашиваю я.

– Кэролайн, – он улыбается, и я понимаю, что у него хорошие отношения с мамой. Хотя бы я ей тоже понравилась! – Ты ей понравишься, Дженни, – добавляет Уильям, словно читая мои мысли.

– Надеюсь, – делюсь своими сомнениями я. А вдруг в Кэролайн проснется материнская ревность? Таковую ли невесту своему сыну она хотела? Что я могу дать Уильяму, кроме симпатичной мордашки? Я простая девчонка, бедная студентка, к тому же русская.

Жду, что Уильям еще что-то добавит, чтобы успокоить меня, но он снова молчит и кажется таким далеким, как будто рядом со мной в машине – незнакомец, а не тот Уильям, который развлекал меня рассказами об Англии и целовал на руинах замка... Почему же он не поцеловал меня сегодня? Я надеялась, что после того поцелуя наши отношения перейдут на новый уровень. Станут более теплыми. Но, кажется, что Уильям сегодня еще холодней, чем раньше.

– А твоего отца? – снова нарушаю молчание я.

– Джеймс.

– Как Джеймс Бонд? – шучу я, но Уильям никак не реаги-

рует – только включает дворники, потому что начинает моросить дождь.

Бросаю взгляд на Уильяма и понимаю, что он тоже нервничает. Значит, знакомить девушку с родителями для него – не привычное дело. Может, я даже первая, кто удостоился такой чести. От этой мысли мне становится немножко спокойней.

– Я волнуюсь, – признаюсь я.

Уильям поворачивает голову ко мне, на миг отвлекаясь от дороги. В его небесно-голубых глазах – замешательство и недоумение, как будто я призналась в чем-то постыдном, типа воровства в супермаркете. На днях мои сокурсницы обсуждали это перед занятиями и нисколько не стеснялись, наоборот – хвалились своим уловом!

– Я раньше не знакомилась с родителями своего бойфренда, – объясняю я.

Уильям ободряюще улыбается мне и снова устремляет взгляд в лобовое стекло.

– Все будет хорошо, – обещает он. Хотя я надеялась, что в ответ на мое откровение он ответит тем же и расскажет, знакомил ли кого-то из своих девушек с родителями раньше.

– Значит, можно не переживать, что меня закопают на заднем дворе, если я им не понравлюсь? – нервно шучу я.

Уильям на мгновение отрывается от дороги и в ужасе смотрит на меня:

– У вас в России такое практикуют?

– Что? Нет, конечно! – бурно возражаю я. – Это была шутка!

Уильям в замешательстве отворачивается от меня. Кажется, не поверил.

Остаток пути мы проводим в тягостной тишине, и с каждой минутой я нервничаю все больше. Когда мы сворачиваем по указателю в нужный городок, мои нервы натянуты до предела. Разглядываю старинные улочки, мост через живописную речку, церковь, старые дома – колоритные георгианские с оштукатуренным фасадом на первом этаже, строгие эдвардианские с красной кирпичной кладкой, изящные викторианские с высокой скатной крышей и эркерными окнами и забавные, похожие на грибы, дома с соломенной крышей. Гадаю, в каком из них живут родители Уильяма. Мне бы хотелось побывать внутри дома с соломенной крышей! Уильям как раз притормаживает у одного такого, но, оказывается, что он всего лишь пропустил даму с собачкой, и мы проезжаем дальше, оставляя забавный дом за спиной. Я настораживаюсь, когда мы снова выезжаем за пределы города.

– Твои родители разве не здесь живут? – уточняю я.

– Они живут за городом. Мы почти на месте.

Дождь усиливается, когда мы въезжаем на узкую однополосную дорогу. По обеим сторонам высятся кустарники и деревья, кое-где они сплетаются кронами, образуя живой туннель. Вокруг ни домов, ни людей. Хоть кричи – никто не услышит. Я в панике вцепляюсь в сумочку, вспоминая про-

читанный недавно детектив про Англию. Там маньяк завез свою жертву в безлюдную местность. Что, если предложение и знакомство с родителями – просто наживка, чтобы заманить меня сюда? То-то Уильям так нервно среагировал на мою недавнюю шутку про убийство. Тут мой труп под кустом никогда и не найдут!

Я запускаю руку в сумочку, перебирая свои вещи и лихорадочно соображая, что из них можно использовать в качестве обороны. Расческу? Ключи? А может, получится передать сигнал спасения на телефон? Чуть не плачу, когда понимаю, что не помню единый номер службы спасения. Это в Америке 911, я запомнила по кино и сериалам, в Англии он другой...

– Приехали, – глухо говорит Уильям.

Я вздрагиваю от его голоса и смотрю в окно. Мы вырвались из живого туннеля, повернули в сторону и теперь катим к усадьбе за забором. Я перестаю копошиться в сумке и растерянно замираю. Дождь льет, как из ведра, мешая разглядеть дом вдалеке за деревьями – но и так ясно, что он огромный и старинный. Машина едет прямо к высоким кованым воротам, которые легко представить на страницах английского романа девятнадцатого века. Но они открываются перед нами – по закону автоматики двадцать первого века.

– Здесь живут твои родители? – тонким от волнения голосом пишу я, глядя на выступающий из пелены дождя серый каменный особняк, к которому мы неотвратимо прибли-

жаемся.

Уильям молчит, как будто меня не слышит. Мы едем медленно, видимость плохая, а вокруг – ухоженный английский парк, который тонет в пелене дождя. Проходит минут пять в напряженной тишине, пока мы наконец подъезжаем к особняку вплотную.

Уильям паркует машину у парадной каменной лестницы, и к нам сбегает мужчина в черном костюме, поспешно раскрывая огромный черный зонт. Он тянет на себя пассажирскую дверцу и торжественно приветствует меня:

– Добро пожаловать в Олдридж!

О боже, у их дома даже свое название есть! Шум дождя заглушил слова мужчины, и я не уверена, что верно расслышала название, но переспросить я не осмеливаюсь. Я выхожу наружу, прячась под зонтом, который он любезно держит над моей головой, и бормочу:

– Здравствуйте, мистер Джеймс.

Отец Уильяма совсем не похож на сына – коренастый, черноволосый, но такой же невозмутимый и полный достоинства. Настоящий английский джентльмен в черном смокинге и белой рубашке.

– Нет, Джейн, это не папа, – поправляет меня Уильям, выходя из машины, и берет у мужчины зонт. – Спасибо, Томас.

Тот отступает прямо под дождь, оставаясь позади. А Уильям, подняв черный купол зонта над головой, ведет меня по широким каменным ступеням.

– А?.. – Я растерянно оборачиваюсь на мужчину, который с невозмутимым видом раскрывает второй зонт и следует за нами.

– Это дворецкий, – спокойно сообщает Уильям.

– Кто? – Мне кажется, я ослышалась или неправильно его поняла из-за шума дождя.

– То есть человек, который управляет домом и прислугой, – объясняет Уильям, решив, что я не знаю значения слова «дворецкий».

Меня трясет от волнения, когда я смотрю на приближающиеся двери особняка – высокие и широкие, из старинного темного дерева, обитые железом. А над ними на фасаде особняка я вижу родовой герб. Да кто же ты такой, Уильям? Наследный герцог? Уильям удерживает меня за локоть у двери. А дворецкий подходит к дверям и растворяет их перед нами движением, полным важности и достоинства.

У меня перед глазами все плывет от волнения, а ноги подкашиваются. Как истинный джентльмен, Уильям пропускает меня внутрь, и я первой вхожу в роскошный холл.

Я попала в аббатство Даунтон. Вокруг деревянные панели, позолота и бархат, старинные портреты в резных рамах, высокие фарфоровые вазы – как будто в музее. Пахнет воском и стариной. Я замороженно верчу головой по сторонам, когда слышу почтительный голос Уильяма, который эхом разносится по холлу:

– Здравствуй, мама.

Я вздрагиваю и поднимаю глаза наверх – по широкой каменной лестнице к нам медленно и грациозно спускается красивая леди лет сорока пяти. Слово «женщина» для нее недостаточно изысканно. Женщина – это в толкучке в московском метро или в очереди на кассу в «Пятерочке». А эта утонченная английская леди знает себе цену и сейчас пристально разглядывает меня, тоже оценивая, чего я стою. Точнее – стою ли я ее сына? Я нервно вцепляюсь в руку Уильяма, лихорадочно соображая, будет ли вежливым поздороваться с ней прямо сейчас, когда нас разделяют ступени, или дождаться, пока она приблизится.

– Позвольте вашу куртку, мисс.

От вкрадчивого голоса дворецкого за спиной я вздрагиваю. О нем я уже забыла! Мужчина, любезно наклонив голову набок, ждет.

– Конечно, – бормочу я, вынимая рукава из куртки. – Спасибо, Томас. Я Джейн.

Я улыбаюсь ему, но он, едва удостоив меня кивком, уже отворачивается. Как будто я не заслуживаю его внимания и он не надеется увидеть меня здесь еще. На меня снова накатывает паника, а когда я поворачиваюсь к Кэролайн, она уже сходит с лестницы. Уильям, повесив свое пальто сам, берет меня за руку и ведет навстречу к ней. Я растерянн ступаю ботинками по дороговому ковра, оставляя грязные следы. Но никто не предлагает мне переобуться, сам Уильям тоже про-

ходит в дом в уличной обуви.

– Мама, – он церемонно целует ее в щеку, едва касаясь губами, как будто на светском приеме встретились двое мало-знакомых людей, а не сын приехал к матери. Никаких объятий и звонких поцелуев, которые можно было бы ожидать от русских. – Позволь представить тебе Джейн.

Я цепенею, разглядывая мать Уильяма вблизи. Теперь я вижу, что она старше, чем мне показалось на первый взгляд. Должно быть, ей за пятьдесят, но она все еще очень красива. Увядающая английская роза – с белой кожей, изящными чертами и такими же небесно-голубыми, как у сына, глазами. Светлые волосы холодного оттенка уложены наверх высокой короной, только тиары в них не хватает. На ней светло-голубой твидовый костюм – жакет и юбка в стиле Шанель, как будто она собралась на прием к королеве, а не на обед с сыном. Мне мгновенно становится неловко за свои потертые джинсы и красный мешковатый свитер, и я чувствую досаду на Уильяма. Если бы предупредил, в каком дворце живут его родители, я бы оделась во что-то поприличнее. Хотя нет, не оделась бы. В моем гардеробе нет ничего подходящего для этой роскошной обстановки старины, которая буквально кричит об аристократическом происхождении хозяев. Да и одежда Кэролайн, идеально сидящая по фигуре, явно сшита на заказ, а не куплена в магазине.

– Рада познакомиться с тобой, Джейн. – Едва уловимая улыбка губ, тронутых светло-розовой помадой, способна за-

морозить.

– И я тоже, – бормочу я, лихорадочно соображая – стоит ли назвать ее миссис? Этой Снежной Королеве куда больше подошло бы обращение «Ваша Светлость».

– Зови меня Кэролайн, – разрешает она, словно угадав мои сомнения.

– Рада знакомству, Кэролайн, – повторяю я с облегчением.

– Для обеда все готово, миледи, – докладывает дворецкий, приближаясь к нам, и я столбенею. Я не ослышалась? Он назвал ее миледи? – Прикажете подавать? – Томас с почтением склоняется перед своей королевой, и я замечаю, что они примерно одного возраста, но между ними – пропасть. Он – слуга, она – его госпожа.

Постойте-ка... Я перевожу ошеломленный взгляд с матери на сына. Если она – леди, то он – лорд? Господи, во что я вляпалась!

Моя рука дрожит, и Уильям ободряюще сжимает ее и улыбается. «Почему? – глазами спрашиваю я. – Почему ты мне не сказал?» Но Уильям отворачивается и тянет меня за собой – в глубь дома, вслед за дворецким и Кэролайн.

Обеденный зал в родовом имении Уильяма ничуть не уступает знаменитой столовой в Оксфорде, где снимали столовую Хогвартса в фильме про Гарри Поттера. Деревянные панели на стенах, много окон. Здесь тоже можно снимать хоть волшебное фэнтези, хоть исторический сериал. В ста-

ринных шкафах хранится фарфор, который мог бы составить коллекцию музея. А на камине я вижу серебряные рамки со старыми черно-белыми фотографиями. Похоже, еще прабабушек и прадедушек Уильяма. Ближе я разглядеть не могу – Кэролайн приглашает садиться.

Она занимает место с краю длинного большого стола, мы садимся напротив. Место во главе пустует. Деревянный стул с высокой спинкой похож на трон, и я гадаю, какой он – отец Уильяма. И какое место в иерархии королевской семьи он занимает.

Но вместо того, чтобы рассказать мне о семье, Уильям заводит с матерью разговор о погоде. Они обсуждают дождь, который льет за окнами, а я бросаю на них косые взгляды и пытаюсь не выглядеть слишком ошеломленной. Серьезно, дождь? Матери с сыном больше не о чем поговорить? У меня в голове сотни вопросов, но я молчу, боясь вмешаться в их диалог. Чувствую себя предметом мебели. Уильям и Кэролайн как будто меня не замечают. Подумаешь, сидит за столом какая-то русская Джейн! Пусть сидит – в обеденном зале места много.

Стол уже сервирован на четверых, и я с интересом разглядываю свою тарелку – фарфоровую, явно старинную, с изящным цветочным орнаментом. А рядом с ней – приборы, судя по блеску – серебряные.

Разговор матери с сыном прерывают гулкие шаги в коридоре. Кэролайн и Уильям оборачиваются к резным деревян-

ным дверям, в которые с достоинством входит высокий подтянутый мужчина лет шестидесяти, одетый в серый твидовый костюм. Я с трудом подавляю порыв вскочить с места и сделать книксен. Уж очень он похож на короля!

– Здравствуй, отец, – Уильям поднимается ему навстречу и пожимает руку.

Мужчина легонько хлопает сына по плечу.

– Рад видеть тебя, Уилл. Я уж думал, вы отмените поездку из-за непогоды.

Взгляд его умных карих глаз останавливается на мне, и я поспешно вскакиваю из-за стола.

– Позволь представить тебе Джейн, отец, – церемонно говорит Уильям, вставая рядом со мной. Я чувствую себя увереннее от его присутствия, а хозяин дома любезно мне кивает:

– Рад видеть у нас в гостях, Джейн. Надеюсь, поездка к нам не была обременительной?

– Что вы, – поспешно говорю я, – дорога была чудесная. Я люблю дождь. И еще ни разу не была в этих краях.

– А вы сами?.. – Мужчина вопросительно смотрит на меня, уловив мой акцент. Когда я волнуюсь, он становится особенно заметен, и от этого я волнуюсь еще больше.

– Джейн из России, – отвечает за меня Уильям, и в столовой повисает тишина.

Он не сказал им, что приведет домой иностранку, понимая я по их застывшим лицам.

– Как интересно, – вежливо роняет глава семьи и занимает свое место за столом.

Тут же рядом с ним возникает дворецкий и с почтением спрашивает, согнувшись в полупоклоне:

– Прикажете подавать обед, милорд?

Отец Уильяма царственно кивает, и дворецкий делает знак стоящим в дверях лакеям. А я ошеломленно смотрю, как несколько стройных парней в черных фраках и белых перчатках, как будто из девятнадцатого века, вносят подносы и начинают заставлять стол закусками. Полное ощущение, что я оказалась внутри сериала «Аббатство Даунтон»! Дворецкий выходит, а затем возвращается, неся на серебряном подносе запеченную рыбу. Он начинает с главы семьи, накладывая ему порцию, затем переходит к его супруге, потом к сыну и только затем – ко мне.

– Мне хватит, – тоненько говорю я, когда дворецкий кладет мне на тарелку кусок филе. – Спасибо.

Дворецкий опускает поднос на край стола и выходит, закрыв двери и оставляя нас наедине.

– Приятного аппетита, – желает хозяин дома, берясь за приборы.

Какое-то время мы едим в полной тишине, слышно лишь мелодичный звон приборов да шум дождя за окном. Я не чувствую вкуса рыбы – настолько я взволнована. Мой взгляд то и дело скользит к камину, на котором стоят черно-белые фотографии семьи. Мне ужасно хочется их рассмотреть по-

ближе, но я боюсь показаться невежливой.

За обедом отец с сыном заводят разговор о политике, я особенно не прислушиваюсь и украдкой поглядываю за Кэролайн. Она наблюдает за супругом и сыном с горделивой улыбкой. А я отмечаю, что Уильям пошел в нее, а не в отца – кареглазого брюнета. Отец с сыном мало похожи, только отдельными чертами и тембром голоса. Уильям – более мужественная копия миловидной и изысканной матери.

Наконец вспоминают и обо мне. Хозяин дома останавливает на мне задумчивый взгляд и спрашивает:

– Так что привело вас в Англию, Джейн?

Я чувствую, как кусок рыбы встает поперек горла, и закашливаюсь. Уильям протягивает мне стакан воды, и я поспешно делаю глоток, запоздало понимая, что слишком тороплюсь и веду себя недостаточно утонченно.

– Я учусь в Оксфорде, – отвечаю я, ощущая на себе перекрестные взгляды всех троих. И мечтаю о том, чтобы эта попытка скорее закончилась.

Я понимаю, что мне не место в этом доме, рядом с Уильямом, и надеюсь, что он тоже это понимает и умолчит о том, что сделал мне предложение, а потом исчезнет из моей жизни по-английски, и я продолжу спокойно учиться. А этот ужин в старинном особняке с лордом и леди буду вспоминать как удивительное приключение.

Мы ведем ничего не значащий светский разговор – об Оксфорде, его истории и традициях. Я вижу, как родители

гордятся Уильямом, который не только окончил знаменитый университет, но и пополнил ряды его преподавателей.

– Уильям – самый молодой преподаватель Оксфорда, не так ли, дорогой? – Кэролайн с любовью смотрит на сына и вся сияет.

А я задумываюсь, чья это заслуга – самого Уильяма или его явно влиятельной семьи? Но вслух я об этом, конечно, никогда не спрошу.

Я волнуюсь и выпила слишком много воды, к тому же, с выхода из дома прошло много времени, и я мечтаю посетить дамскую комнату. Но боюсь заикнуться об этом вслух и жду окончания обеда, чтобы подняться из-за стола и тихонько попросить у Уильяма на ушко, чтобы он меня проводил.

Кэролайн расспрашивает меня о России:

– Должно быть, там сейчас холодно?

– Там сейчас снег. – Я вспоминаю последний разговор с Наташей, в котором она жаловалась на аномальный снегопад, и рассказываю об этом. Думаю, не показать ли ей фото русской зимы, присланные Наташей, но решаю, что это будет неуместно. Тем более мы сидим довольно далеко друг от друга, разделенные широким столом, и мне пришлось бы встать, чтобы протянуть Кэролайн свой телефон.

Кэролайн и Джеймс изумленно качают головами. Какое-то время мы говорим о погоде, о русской зиме, и я жду расспросов о моей семье, которые были бы неизбежны при знакомстве с родителями русского парня. Но англичан, ка-

жется, совершенно не волнует мое происхождение. А может, они уже решили, что я не пара их наследнику, и не хотят тратить время на пустые расспросы.

Разговор переходит к каким-то их соседям – графу и графине Чейз, которые через две недели устраивают прием в своем поместье. Джеймс передает приглашение от их сына Уильяму, и я перестаю вслушиваться в их беседу, ведь меня это совершенно не касается. Очевидно, что через две недели меня в жизни Уильяма уже не будет. Пускай пригласит более подходящую ему по статусу девушку. Эта мысль совершенно не вызывает у меня ревности. А желание посетить дамскую комнату становится все сильнее, и я уже с трудом терплю эту попытку.

Наконец входят лакеи, чтобы убрать со стола. Дворецкий предлагает чай, а я вскакиваю из-за стола, когда вслед за лакеями появляется горничная в форменном платье, и прошу хозяев меня извинить, а затем вполголоса обращаюсь к ней. Судя по застывшим лицам Уильяма, его родителей и дворецкого, я все-таки нарушила правила приличия и окончательно уронила себя в их глазах. Но мне все равно! Где тут туалет?!

– Мэри, проводи Джейн, – кивает горничной леди Кэрролайн.

Горничная выходит в коридор и быстро ведет меня за собой через анфиладу залов. Я тороплюсь за ней, не глядя по сторонам, хотя то и дело выхватываю то старинный портрет какого-то аристократа на стене, то роскошные золотые часы

в одном из залов, которые мы проходим. В потемневшем от времени зеркале в помпезной золотой раме мелькает тень, и я вздрагиваю, боясь увидеть призрак. А что, от этого старинного особняка всего можно ожидать! Но это всего лишь мое отражение – бледная, испуганная, с растрепавшимися волосами. Надо было убрать их в хвост, как обычно. А лучше – в пучок! Кажется, я кинула в сумочку несколько шпилек...

– Мисс? – Горничная оборачивается на меня, и я тороплюсь за ней.

Наконец, девушка толкает неприметную деревянную дверь под лестницей, и я влетаю туда, поблагодарив ее и запираясь на щеколду.

Сделав свои дела, нахожу в сумочке расческу и шпильки и собираю волосы в пучок. Не то чтобы это поможет мне приблизиться к леди, но хотя бы перестану выглядеть растрепой.

Заканчиваю с прической, выхожу наружу и растерянно останавливаюсь. Направо и налево ведут двери в другие залы. Куда идти? Я совершенно не запомнила дорогу, а в этом дворце легко заблудиться.

– Мисс, вы закончили? – окликает меня голос горничной. Она ждет меня у окна, почти сливаясь с темной бархатной портьерой в своем форменном платье, и я с облегчением иду за ней.

По пути девушка несколько раз оборачивается и кидает на меня любопытные взгляды. Должно быть, она влюблена в молодого хозяина и гадает, что во мне такого, чем я при-

влекла его внимание. Мы одного возраста, роста и комплекции, и она довольно симпатичная – с живыми карими глазами и медно-рыжими волосами, убранными в низкий пучок. Мне приходит в голову, что я невольно повторила прическу горничной. Не будет ли это воспринято хозяевами как новый вызов? Но пока я раздумываю, не вынуть ли шпильки, горничная уже останавливается перед обеденным залом и пропускает меня вперед. Я киваю ей в знак благодарности, и она уходит. А я делаю шаг к приоткрытым дверям зала и застываю, услышав свое имя. Обсуждают меня.

– Я люблю Джейн, – повысив голос, говорит Уильям, и мое сердце начинает колотиться быстрее.

– Ты знаешь ее совсем мало, – веско возражает его отец.

– Я знаю ее достаточно, чтобы захотеть связать с ней судьбу, – убежденно отвечает Уильям.

До меня доносится тихий звон. Должно быть, кто-то из родителей уронил чайную ложечку, и она звякнула о блюде.

– Она так молода, – замечает Джеймс. – И она...

– Что? – перебивает Уильям с порывистостью, которой я прежде у него не замечала. – Иностранка? Не нашего круга? Мы живем в двадцать первом веке, отец, если ты не заметил. Даже принц Гарри женился на разведенной голливудской актрисе!

– Повезло, что ты привел не актрису, – сухо замечает отец.

– Мисс, – от вкрадчивого голоса за спиной я подпрыгиваю.

Дворецкий подкрался незаметно и застиг меня с поличным. По его поджатым губам и колкому серому взгляду понятно, что я ему не нравлюсь. Перед собой он держит серебряный поднос с заварочным чайником и фарфоровым молочником. Ведь англичане пьют чай с молоком. А я терпеть не могу! Что я вообще тут делаю? Я даже хочу, чтобы дворецкий выдал меня хозяевам и публично опозорил, чтобы меня выставили вон. Но дворецкий молчит, продолжая удерживать поднос одной рукой. И я быстро вхожу в зал, направляясь к своему месту за столом.

– Джейн, ты вовремя! – Уильям встает мне навстречу и крепко берет за руку, вынуждая встать рядом с ним.

Взгляды его родителей устремляются к нам, и я читаю тревогу на их лицах.

– Мама, папа, – торжественно говорит Уильям. – У меня для вас важное объявление.

Дворецкий замирает в дверях с подносом в руках, не осмеливаясь прервать молодого хозяина. «Не надо, Уильям, – умоляю я, сжимая его руку. – Не говори им. Лучше помолчи».

Но Уильям до боли стискивает мою ладонь в ответ, так что я чуть не морщусь, и громко говорит:

– Я сделал Джейн предложение. Мы поженимся.

– Что, прямо так и сказал? – визжит Наташка, когда я звоню ей вечером по скайпу, чтобы рассказать о произошед-

шем. – Офигеть!

Я морщусь от ее воплей. Минувший день меня совершенно измотал, и вместо радости счастливой невесты я чувствую себя так, как будто угодила в паутину. Еще немного, и меня опутают старинными кружевами свадебного платья, и уже не вырвешься.

– А что его родители? – допытывается Наташа. – Как тебя приняли?

– По ним не поймешь, – признаюсь я. – Они были со мной довольно любезны.

– И против свадьбы не возражали? – уточняет Наташа.

– В том-то и дело, что нет, – вздыхаю я. А я так надеялась, что родители запретят Уильяму жениться, и мы закроем этот вопрос. – Кэролайн сказала, что на подготовку свадьбы нужен год, следует запланировать торжество на следующее лето. Но Уильям заявил, что мы поженимся этим летом, так как после окончания магистратуры у меня закончится студенческая виза, и мне придется вернуться домой.

– Вот как сильно он тебя любит! – восхищается Наташа. – Даже об этом подумал!

– Угу, – понуро бормочу я.

– И чем ты не довольна? – поражается Наташа. – Я что-то не поняла! А ну колись, Женька!

Я запинаясь. Мне нравится Уильям, мы хорошо проводили время вместе, но, побывав в его родовом гнезде, я поняла, что мы не пара. Почему же этого не видит сам Уильям?

Неужели он так сильно в меня влюблен? По нему ни за что не скажешь. За всю дорогу в машине обратно мы едва ли перемолвились парой фраз. Уильям сказал, что я понравилась его родителям. Бесстыже соврал! А я ответила, что они очень милые, как он и обещал. Это был сарказм, если что! Но Уильям принял его за чистую монету и довольно улыбнулся. А когда он довез меня до дома, даже не поцеловал на прощание. И как это прикажете понимать?

Все это я на одном дыхании рассказываю Наташке и добавляю:

– Мне кажется, как будто Уильям что-то хочет доказать родителям этой женитьбой. Иначе к чему такая спешка?

– Не выдумывай! – бурно возражает подруга. – Просто он в тебя влюбился по уши и хочет доказать свою любовь делом. Чего тебе еще надо? Молодой, красивый, из аристократической семьи, чистокровный англичанин! Где ты лучше найдешь?

– Вот это меня и пугает, Наташ, – делюсь я. – Ты бы видела этот огромный дом! Эти портреты предков на стенах! Эту ослепительную роскошь! Я туда вообще не вписываюсь!

– Ничего, станешь женой Уильяма, вступишься! Еще твой портрет нарисуют и повесят в каминном зале, чтобы все гости любовались.

От этой мысли я почему-то вздрагиваю. Представляю свой портрет рядом с предками Уильяма и мотаю головой. Не хочу, не надо!

– Ты бы мне хоть фотки прислала, – просит Наташа. – Хоть одним глазком посмотреть, как там внутри!

– Да когда бы я фотки сделала? – удивляюсь я. – Как ты вообще это представляешь – чтобы я пришла в гости и снимала чужой дом?

– Не каждый день ты попадаешь в такие дома, – возражает Наташа. – Могла бы и подумать о подруге. Но раз уж не подумала сейчас, в другой раз сфоткай!

Я вздрагиваю от мысли, что придется снова вернуться в дом родителей Уильяма.

– И вообще я на него зла, – добавляю я. – Мог хотя бы предупредить, что меня ждет! Я бы подготовилась морально.

– Может, он сюрприз тебе хотел сделать, – защищает Уильяма Наташа.

Я возмущаюсь:

– Эй, ты вообще чья подруга? Моя или его?

– Я подружка невесты, – хихикает Наташа. – И надеюсь погулять у тебя на свадьбе в английском замке и увидеть всю эту роскошь своими глазами! Может, тоже какого бритиша подцеплю.

– А как же Кирюша? – удивляюсь я.

– С Кирюшей мы расстались, – мрачнеет подруга.

И следующие полчаса уже она изливает мне душу, а я ее утешаю.

– Может, помиритесь еще? – говорю я.

В конце концов, Кирилл провинился только в том, что от-

мения свидание с Наташей, соврал, что собирается навестить больную бабушку. А потом в Инстаграме всплыли фотки с мальчишника в стриптиз-клубе, где гулял его старший брат. У Кирилла там на коленях извивалась полуголая стриптизерша в стрингах, и выглядел он весьма довольным.

– Ни за что! – категорически заявляет Наташа. – Соврал один раз – соврет и в другой. А в отношениях главное – доверие.

– Согласна, – киваю я и возвращаюсь мыслями к Уильяму. – Как думаешь, Уильям не доверяет мне, раз ничего не рассказал о своей семье раньше?

– Это другое, – возражает Наташа. – Он тебе не врал, а просто умолчал. Может, не хотел, чтобы ты с ним общалась, потому что он богатый наследник, а хотел, чтобы ты его любила простым профессором Оксфорда.

– У меня телефон садится, – я с неохотой прощаюсь с другой. – Как же мне не хватает наших с тобой разговоров, Наташ!

– Мне тоже тебя не хватает, Женька, – подруга растроганно шмыгает носом. – И вообще, я думала, ты отучишься в Оксфорде и вернешься, а ты теперь в Англии останешься со своим Уильямом.

Я вздрагиваю от этой мысли. Даже о свадьбе всерьез до этого дня я не думала. Все происходит слишком быстро, ведь Уильям сделал мне предложение всего пять дней назад! Я и сама не рассчитывала жить в Англии, а собиралась получить

диплом и вернуться домой, чтобы работать в Москве переводчиком. С дипломом Оксфорда мне были бы доступны такие вакансии, какие выпускникам МГУ и не снились.

– Ничего, буду к тебе в гости приезжать, – обещаю я, проглатывая ком в горле.

– Нет уж, лучше я к тебе, – фыркает Наташа сквозь слезы. – Я в Инстаграме видела, у вас там плюс двенадцать, и миндаль распускается. И вообще я мечтаю по Лондону погулять!

– Обязательно погуляем, Наташ!

Мы прощаемся, но я еще долго стою у окна, за которым идет дождь. Какой будет моя жизнь через год? Еще неделю назад я знала наверняка. А сейчас мое будущее скрыто пеленой, как Оксфорд – серым ливнем.

Перед сном я гуглю семью Уильяма в сети – до поездки в их родовое гнездо мне такая мысль и в голову не приходила, но теперь я хочу узнать о родных Уильяма больше. Тем более, что он сам мне ничего не рассказывал. Я жду, что на меня обрушатся сотни статей и фотографий благородного английского семейства, но, к моему удивлению, практически ничего не нахожу. Даже статьи в Википедии нет! В сети есть всего пара фоток величественного фасада дома XVIII века постройки и огромного сада, которые я отправляю Наташе. В отличие от других английских исторических усадеб, семья Уильяма не пускает в дом туристов, и о ней практически нет сведений в сети. Мне только удастся узнать, что родители

Уильяма – маркиз и маркиза Олдридж. Джеймс владеет землей по всей Англии и сдает ее в аренду. Кэролайн занимается благотворительностью и руководит собственным фондом, но свои добрые дела не афиширует. В сети есть всего несколько фотографий с ней – с благотворительного аукциона, из больницы, которую курирует ее фонд, и еще одна со скачек – в компании принцессы из королевской семьи. Об их сыне я не нахожу никакой информации, и страниц в соцсетях ни у кого из семьи нет.

Из статьи про британскую аристократию я узнаю, что представители высшего общества предпочитают держаться в тени. Это в России олигархи и их золотые детки попадают в скандальную хронику, выкладывают в блогах фотки с роскошных вечеринок и выпячивают свое богатство. В Британии это дурной тон.

Теперь становится понятным, почему у Уильяма нет соцсетей. Он просто не хотел выставлять напоказ свое происхождение, предпочитая вести жизнь обычного преподавателя Оксфорда.

Прежде, чем выключить ноутбук, я еще раз смотрю на фотографии Кэролайн – безупречной и элегантной – и убеждаюсь в том, что мне такой никогда не стать.

Глава 5

Несколько следующих дней проходят в учебе. Я хожу на лекции, занимаюсь в библиотеке, пишу эссе по литературе. Радуюсь наступающей весне – на календаре двадцатое февраля, а уже зацвел миндаль, и по пути на занятия я каждый раз люблюсь розовым облаком, замедляя шаг и вдыхая полной грудью тонкий нежный аромат. От Уильяма ни слуху, ни духу с тех пор, как он проводил меня после обеда у родителей. Признаюсь, это меня не тревожит. Скорее, наоборот, я чувствую облегчение – что угроза свадьбы меня миновала.

Ну какая из меня невеста? Тем более – жена лорда? Или как там следует величать Уильяма?

Проходя мимо витрины кафе, я бросаю взгляд в стекло – обычная девчонка, в джинсах и куртке, спешит на лекцию. Заметив за столиком знакомое лицо, замедляю шаг. Дэн Громов меня не видит – он целиком увлечен своей спутницей, и, судя по тому, как уверенно он берет ее за руку, отношения у них явно близкие. Это не моя соседка Николь, значит, роман с француженкой уже позади. Да и можно ли назвать романом ту единственную ночь, которую они провели вместе? Сейчас у Дэна новая девушка – хорошенькая китаянка, которой я не знаю. А в следующий раз будет другая. Этот парень явно не привык хранить верность. Я ускоряю шаг, пока Дэн меня не заметил, и спешу на занятия. А мажор, похоже, решил на

учебу забить. Вот непутевый!

Перед началом лекции однокурсницы обсуждают, что в полях зацвели крокусы и подснежники. Кто уже успел побывать там, показывают фото на телефоне, и девчонки договариваются погулять после занятий и поймать хорошую погоду. Дождь наконец-то закончился, с утра светит солнце.

– Хочешь с нами, Дженни? – неожиданно обращаются ко мне.

– Я? – удивляюсь я.

Меня никогда не звали раньше, и я настороженно смотрю на хорошенькую англичанку Тилли, с которой мы с начала учебы и парой фраз не перебросились. В чем подвох?

– Никуда от тебя учеба не убежит, – улыбается она. – А подснежники цветут один раз в году.

Англичанка смотрит вполне приветливо, а я вдруг понимаю, как выгляжу со стороны. Замкнутая русская, которая никогда не пыталась сблизиться с сокурсницами или завести разговор.

– Да, конечно, – я смущенно улыбаюсь в ответ. – Будет здорово!

Мы договариваемся встретиться после занятий во дворе колледжа. Входит преподаватель, и начинается лекция.

После занятий вприпрыжку сбегая по лестнице – на улице солнце, и так хочется скорее отправиться на прогулку с девочками. Выхожу во двор и оглядываюсь, но не замечаю однокурсниц среди других студентов. Может, меня все-таки

разыграли? Сердце пропускает удар, но тут я вижу ярко-рыжую шевелюру Тилли на углу здания. Тилли приветливо машет мне рукой, две другие девочки, стоящие с ней, тоже общаются.

Я с улыбкой направляюсь к ним, когда в сумочке звонит мобильный. Я останавливаюсь посреди двора, и сердце падает в пропасть. А если это Уильям? Вытаскиваю телефон и вижу незнакомый номер. На английский номер мне звонят нечасто, но это может быть по учебе, и я осторожно отвечаю:

– Алло.

– Добрый день, Джейн. Это Кэролайн, – звучит из трубки мелодичный голос, который я меньше всего ожидаю услышать, и от волнения я едва не роняю телефон. – Я тебя не отвлекаю от занятий?

– Нет, они как раз закончились, – отвечаю я и, спохватившись, добавляю: – Здравствуйте, Кэролайн.

«Откуда у вас мой номер?» – вертится на языке. Но и так понятно, что его дал Уильям. Мог хотя бы предупредить, что его мать собирается мне позвонить!

– Джейн, я бы хотела с тобой встретиться, – продолжает Кэролайн.

Тилли снова машет мне рукой с другого конца двора. К компании подошли еще две девочки. Похоже, ждут только меня. Я, извиняясь, показываю на телефон. Мол, минутку, поговорю! Почему-то мне не хочется, чтобы девочки слышали наш разговор с матерью Уильяма.

– Джейн? – снова окликает меня Кэролайн, все еще ожидая мой ответ.

– Да, конечно, Кэролайн, – спохватываюсь я, гадая, что ей от меня понадобилось. Может, она хочет объяснить мне, что я не пара ее сыну? Так я это прекрасно понимаю и о свадьбе готова забыть.

– Я сейчас в Лондоне. Ты могла бы приехать? – спрашивает она.

Я с досадой закусываю губу, глядя, как Тилли нетерпеливо машет рукой.

– Прямо сейчас? – переспрашиваю я.

– Или ты занята? – уточняет Кэролайн.

Я снова смотрю на девочек, принимая решение. Как бы мне ни хотелось погулять с ними, будет невежливо отказать матери Уильяма. К тому же неопределенность ситуации со свадьбой на меня давит, и мне хочется скорее все разрешить. Даже если ради этого придется поехать в Лондон.

– Я с вами встречусь, – отвечаю я Кэролайн. – Смогу приехать на автобусе через полтора-два часа.

– Я пришлю водителя, и он тебя отвезет, – говорит Кэролайн.

– Что ж, – запинаюсь я, – хорошо...

Кэролайн спрашивает, где меня забрать, и обещает приехать на машине через десять минут. А я тороплюсь к девочкам, чтобы сообщить, что не смогу пойти с ними.

– Извините, планы поменялись.

– Как же так? – расстраивается Тилли и пытливо смотрит на меня. – Ты же не отказываешься от прогулки ради учебников?

– Что? Нет, конечно! Просто надо встретиться кое с кем в Лондоне.

Мы выходим вместе со двора, и девчонки прощаются со мной, а я направляюсь в другую сторону.

Когда я подхожу к условленному месту, черный автомобиль уже ждет меня. Водитель в черном костюме стоит на тротуаре.

– Джейн? – церемонно уточняет он.

Я киваю. Он открывает передо мной дверцу движением, полным почтения, как дворецкий в особняке родителей Уильяма. Похоже, это их личный водитель. Я ныряю на заднее сиденье, обитое кожей, и он закрывает дверцу, а затем садится за руль.

Машина трогается с места. За окном проплывают улочки Оксфорда, и вскоре мы выезжаем за город. По зеленым полям и холмам раскиданы полянки белых и сиреневых первоцветов, и я припадаю к окну, чтобы ими полюбоваться. Погода разгулялась, и в полях много людей. Где-то среди них и мои однокурсницы, и на миг я чувствую досаду от того, что Кэролайн сорвала меня так некстати.

Мимо проносится указатель на Лондон, и я гадаю: почему Кэролайн назначила встречу там? Уж не потому ли, что боялась, что в Оксфорде нас увидит Уильям? И если она хочет

сохранить нашу встречу в тайне от сына, значит ли это, что она хочет расстроить свадьбу?

Что ж, я обрадую ее тем, что вовсе не горю желанием с ней породниться. Я приехала в Англию учиться и совсем не планирую выходить замуж.

Когда мы въезжаем в Лондон, Биг Бен, как обычно, привлекает мое внимание. Не могу оторвать взгляд от знаменитой башни и унять восторг от мысли, что вижу ее наяву. Вот бы порадовалась мама! Интересно, понравилась бы ей Кэрлайн? Я мысленно представляю маму Уильяма и свою рядом и понимаю, что они выглядят, как люди из разных миров. Как и я сама с Уильямом. Неужели Золушка была настолько глупа, что не понимала, что не подходит принцу? Никогда не верила в счастливый финал этой сказки. Вопрос времени, как скоро у принца пройдет первая влюбленность, и он начнет разочаровываться в своей жене-простолюдинке. Хорошо еще, если Золушку вышлют из дворца, и она вернется в родной дом, чтобы и дальше чистить камин и котлы. В реальной жизни негодную жену скорее бы отравили...

Я вздрагиваю, когда машина останавливается на набережной Темзы, и растерянно смотрю в окно. Приехали?

– Пожалуйста, ждите, – доносится голос водителя.

Я отмечаю его безупречное произношение. Ему бы диалоги для курсов английского записывать!

Через минуту из здания напротив выходит Кэрлайн – в

идеально сидящем бежевом пальто и туфлях в тон. Само совершенство.

Я хочу выйти к ней и нажимаю на ручку, но дверь заблокирована.

– Ждите, – повторяет водитель и выходит, чтобы открыть для Кэролайн заднюю дверь.

Получается, мы еще не приехали. Я сдвигаюсь к другому окну, чтобы освободить место для Снежной Каролины, как я ее про себя называю. Хотя сегодня ее светло-пепельные волосы уложены не в форме короны, как на субботнем обеде, а в ракушку, выглядит она все так же по-королевски. Хоть сейчас на прием в Букингемский дворец.

– Здравствуй, Джейн. – Она грациозно садится и затем одним легким движением соединяет колени и отрывает туфли от земли, аккуратно ставя их на пол авто. Интересно, этому можно вообще научиться? Или леди все-таки нужно родиться и впитать изысканные манеры с молоком матери? Если леди вообще кормят своих детей грудью, а то вдруг это грубое нарушение правил приличий!

– Здравствуйте, Кэролайн, – бормочу я, чувствуя себя перед ней, как провинившаяся школьница.

Наверное, если бы мы встретились в Оксфорде, я бы чувствовала себя уверенней. Но сейчас я в чужом городе, в чужом автомобиле и в непривычной обстановке. Может, представить Кэролайн в костюме Евы или зайчика из «Плэйбоя», чтобы так сильно не робеть? А что, проверенный прием, со

мной как-то Наташка поделилась.

– Спасибо, что согласилась со мной встретиться, – Кэролайн вежливо кивает мне, как на светском приеме.

– Что вы, это честь для меня, – сконфуженно отвечаю я. Боже, что я несу! Хорошо еще не лягнула: «Ваше Высочество!»

Но, наверное, я выбрала правильные слова, потому что в ледяном взгляде Кэролайн мелькает одобрение. Я решаю и дальше играть застенчивую забитую девочку, которая робеет в присутствии леди из высшего общества. Пусть убедится, что я не пара ее сыну и не достойна стать следующей хозяйкой их родового гнезда.

Машина трогается с места и катит вдоль набережной по берегу Темзы.

– Тебе нравится Лондон? – спрашивает Кэролайн.

Я пораженно смотрю на нее. Серьезно? Она вызвала меня из Оксфорда, чтобы поговорить о столице?

– Очень красивый город, – сухо отвечаю я. – Здесь все дышит историей.

Кэролайн кивает, словно я снова дала верный ответ на экзаме-не, и говорит:

– Сегодня прекрасная погода.

Я в замешательстве смотрю на нее, не понимая, какую игру она ведет. Одно дело – читать эту фразу в учебнике английского в пятом классе. А другое – ехать по берегу Темзы в машине с английской леди, сын которой сделал тебе пред-

ложение. Нам что, больше обсудить нечего? Она надо мной издевается? Или испытывает мое терпение?

– Не так ли? – Кэролайн смеряет меня пристальным взглядом, и у меня снова возникает ощущение, что я на экзамене.

– Да, так, – прилежно киваю я. – В полях распустились крокусы и подснежники.

– О, как замечательно. Я люблю подснежники, – вежливо отвечает Кэролайн.

Мы ведем искусственный диалог, как в учебнике по английскому. А я вдруг понимаю, что Кэролайн тоже не знает, как себя со мной вести. Я же для нее не просто незнакомка, но еще и иностранка. И, как иностранка, я вполне могу себе позволить неудобный вопрос, который бы не решилась задать приличная английская девушка.

– О чем вы хотели поговорить со мной, Кэролайн? – прямо спрашиваю я, устав юлить.

Идеальные брови Кэролайн изумленно приподнимаются. Она не ожидала от меня инициативы. Да-да, леди, я не пара вашему сыну! Давайте уже все проговорим вслух и разойдемся, как корабли на Темзе.

Кэролайн молчит, а я подсказываю:

– Видимо, о свадьбе?

– Должна признаться, это было неожиданно, – осторожно говорит Кэролайн, словно ступая на тонкий лед.

– О, да. Ведь мы с Уильямом так мало знакомы... – согласно киваю я, мысленно ободряя: вперед, леди!

– Скажи, Джейн, ведь ты... – Она снова запинаясь, и я прихожу ей на помощь:

– Нет-нет, это не то, о чем вы подумали! Я не беременна!

Кэролайн широко распахивает голубые глаза, что выдает истинную степень ее шока. Похоже, я опять ляпнула что-то не то, а Кэролайн вовсе не это имела в виду.

– Я хотела спросить, – справившись с замешательством, произносит она, – свадьба не ради того, чтобы ты осталась в Англии?

Я непонимающе смотрю на нее.

– Не ради визы невесты? – уточняет она, пытливо глядя мне в глаза.

– Что? – Я так поражена, что не могу сдержать эмоций. – Нет, конечно, нет! Я вообще не собиралась оставаться в Англии. Я планировала получить диплом и вернуться домой.

– Хорошо, – голубые глаза Снежной Каролины теплеют. – Значит, ты правда его любишь.

Что? Я в замешательстве пялюсь на собеседницу и не знаю, как ей возразить.

– Уильям тебя любит, – говорит она. – Я никогда не видела его таким... пылким.

Пылким? Да он даже не поцеловал меня после того обеда! Мы вообще целовались с ним один раз – на руинах старого замка. Но у меня хватает ума не сказать об этом его матери.

Пока я в ошеломлении молчу, Кэролайн задает следующий вопрос:

– Твои родители будут на свадьбе?

– Мои? – глупо переспрашиваю я.

– Мне нужно знать, чтобы подготовиться, – объясняет

Кэролайн. – Возможно, им потребуется оформить визу.

– Ммм, – неопределенно мычу я. Так странно, что впервые о моих родителях спрашивает Кэролайн, а не Уильям.

Минуточку, это мы сейчас всерьез обсуждаем свадьбу? В какой момент все пошло не так, и разговор свернул не туда? Можно отмотать обратно?

Кэролайн выжидающе смотрит на меня, и я осторожно говорю:

– Понимаете, Кэролайн, мне очень дорог Уильям, и я желаю ему счастья, но не уверена, что стану ему хорошей женой.

Кэролайн слегка кивает, словно соглашаясь со мной. Кажется, она довольна, что я первой завела об этом речь, потому что ей самой английское воспитание не позволяло. А я, обрадовавшись, что наконец-то нашла нужные слова, продолжаю с русским прямодушием:

– О таком муже, как Уильям, можно только мечтать! Он умный, красивый, заботливый... – Я запинаюсь, подбирая следующий эпитет. Не так уж хорошо, на самом деле, я его знаю. – Воспитанный, образованный, эрудированный. Я таких раньше не встречала!

Кэролайн слушает меня с одобрением, похвала сыну ей приятна, а я приступаю ко второй части своей речи – само-

уничтожению.

– А я простая девчонка из обычной семьи. К тому же – из другой страны. Мы такие разные! Наверное, Уильям и сам это понимает, потому что он ничего не рассказывал мне о своей семье, о том, в каком роскошном старинном поместье вы живете.

Кэролайн внимательно слушает, не перебивая. Я понимаю, что я на верном пути, и продолжаю:

– Я была поражена, когда оказалась у вас в гостях. И единственное, о чем я думаю все эти дни – что я не пара Уильяму и не смогу ему соответствовать.

Я умолкаю, потупив глаза, и жду, что Кэролайн со мной согласится и скажет, что о свадьбе не может быть и речи, и на этом мы простимся навсегда. Но вместо этого она убежденно говорит:

– Сможешь.

Что? Я удивленно вскидываю глаза. Она о чем сейчас?

– Ты сможешь соответствовать Уильяму, если постараться, – произносит она своим мелодичным голосом с идеальным британским прононсом. – А я тебе помогу.

– Поможете? – удивленно переспрашиваю я. – Вы мне?

Пожалуйста, Снежная Каролина, скажи, что ты шутишь!

– Ты красива, умна и молода. Вы с Уильямом любите друг друга, – говорит Кэролайн.

Нет-нет, это не так, хочу возразить я, но не могу даже рта раскрыть под ее гипнотизирующим взглядом.

– Из вас получится прекрасная пара, – слова Кэролайн звучат как приговор.

Меня приговаривают к свадьбе, а я настолько ошеломлена, что не могу возразить. От волнения меня начинает укачивать, а мы всё куда-то едем, уже свернув с набережной, углубляясь в центр Лондона и лавируя между двухэтажными красными автобусами.

Наконец Кэролайн просит водителя остановиться и первой выходит на тротуар – так же грациозно, как когда садилась в машину. Я неуклюже выползаю за ней, цепляюсь носком кроссовки за бордюр, поэтому не сразу вижу, куда мы приехали.

Я рада наконец оказаться на свежем воздухе и вдыхаю его полной грудью. А когда наконец поднимаю глаза на Кэролайн, вижу, что она стоит у крыльца магазина с витриной свадебных платьев.

– Идем, Джейн, – она манит меня рукой и, заметив мое замешательство, улыбается: – Ну же, смелее, русская невеста!

Ущипните меня, я, должно быть, сплю. Я стою в свадебном платье в примерочной кабинке, и на мне туго шнуруют корсет. Ни шелохнуться, ни вздохнуть. Я как будто в ловушке!

– Идеально! – Девушка-консультант ободряюще улыбается мне и выталкивает наружу – под оценивающий взгляд Кэролайн.

Я выхожу на круглый подиум, перед которым в голубом бархатном кресле с высокой спинкой сидит Снежная Каролина и пьет чай из фарфоровой чашки. Я растерянно смотрю на нее. Мелькает надежда, что платье отрезвит мать Уильяма, и она увидит, что такая невестка ей не годится. Но Кэролайн приветливо мне улыбается:

– Что ж, неплохо. Покрутись, Джейн. Дай-ка мне на тебя посмотреть.

Чувствую себя заколдованной Эллой, которая не может побороть власть заклятья и делает все, что ей скажут. Кружусь, и белые стены салона с зеркалами проносятся мимо меня, как будто в вальсе. Вот только я танцую его одна. В свадебном платье, таком же пышном, как у Золушки в недавней экранизации Диснея с Лили Джеймс, но без жениха. Новые белые туфли жмут – мне пришлось надеть их для примерки, сняв свои удобные кроссовки. Спотыкаюсь и останавливаюсь.

– Ты будешь очень красивой невестой, Дженни, – говорит Кэролайн, тепло глядя на меня.

А у меня на глазах выступают слезы. Она это серьезно? Она настолько желает счастья своему сыну, что готова принять любой его выбор? Даже нищую девчонку из России?

Девушка-консультант уводит меня обратно в примерочную и шепчет:

– У вас такая замечательная мама.

Я уже не могу сдерживать слез, и они рекой текут по щекам.

Как бы я хотела, чтобы моя мама была сейчас рядом!

– Что с вами? – пугается девушка.

– Ничего, – бормочу я, вытирая слезы. Хорошо, что я не накрашена, и не останется следов от туши.

Девушка все еще с тревогой смотрит на меня, и я объясняю:

– Это мама моего жениха.

– Вот как? – изумляется она. – Обычно невесты приходят со своими матерями. Да и мне показалось, вы похожи...

Когда я выхожу на подиум в следующем платье – кружевной верх, менее пышная юбка, глаза Кэролайн теплеют еще больше.

– Очень хорошо, – кивает она и поднимается ко мне на подиум.

Она аккуратно поправляет кружевное плечико на мне и встает рядом, так что наши отражения становится видно в большом зеркале. Сейчас, когда мы стоим рядом, я понимаю, почему девушка-консультант ошиблась. Мы и в самом деле похожи – ростом, хрупкой фигурой. У обеих голубые глаза и светлые волосы, только у меня более теплого оттенка, а у нее – в пепельный отлив. Для примерки я тоже заколола волосы в ракушку, как у Кэролайн. А это дорогое свадебное платье как будто стирает пропасть в достатке между нами, и я выгляжу вполне себе девушкой из высшего общества. Эта мысль меня ошеломляет, и я замороженно смотрю в зеркало. Впервые я думаю о том, что, возможно, смогу быть достой-

ной парой Уильяму. Если Кэролайн мне поможет.

Кэролайн ободряюще мне улыбается, словно обещая поддержку. А я думаю: разве не об этом мечтает каждая мать – видеть своего ребенка счастливым? И что, если именно во мне она видит счастье Уильяма и будущее их семьи?

– Кэролайн! – окликает ее элегантная дама, которая, как по волшебству, появляется в центре зала.

Я оборачиваюсь, чтобы ее разглядеть, и интуитивно понимаю, что передо мной хозяйка салона. Она не входила в дверь, значит, появилась откуда-то из служебных помещений. Дама похожа на стареющую киноактрису – очень красивая, стройная и элегантно одетая. На ней шелковая блузка цвета слоновой кости, бежевая юбка-трапеция и нитка жемчуга – как будто она прямо отсюда поедет на свадьбу своей племянницы. Волосы у нее золотисто-рыжие, постриженные под каре, а кожа – бледно-фарфоровая с веснушками.

Кэролайн сходит к ней с подиума, чтобы поприветствовать. Похоже, мать Уильяма привела меня в салон к подруге. Я жду, что они обнимутся и расцелуются, но они лишь вежливо улыбаются друг другу, как на светском приеме.

– Здравствуй, Дайана, – говорит Кэролайн.

– Как всегда, прекрасна! – делает комплимент хозяйка и мягко ее укоряет: – Что же ты не предупредила, что собираешься прийти? Я бы тебя встретила.

Кэролайн что-то отвечает. Я не слышу ее слов, потому что от волнения у меня стучит в ушах. Я понимаю, что Кэролайн

не готовила этот визит в салон. Она не была уверена, что приведет меня сюда, когда назначала встречу в Лондоне. Но что-то ее убедило в моих словах и поведении, пока мы ехали в машине вдоль берега Темзы, что она привезла меня в салон.

Дайана бросает на меня любопытный взгляд – я по-прежнему стою на подиуме в свадебном платье, как кукла.

– Позволь представить тебе Джейн, – произносит Кэрлайн с такой гордостью, как будто знакомит подругу с принцессой. – Невесту Уильяма.

– Вот это новость! – Дайана выглядит удивленной. – Уильям обручился? И как давно?

– Буквально на днях. Так что ты первая, кто в курсе, кроме членов семьи.

– Поняла, – Дайана кивает. – Можешь рассчитывать на мое молчание до официального объявления о помолвке. Но ты же знаешь, стоит кому-то сфотографировать вас выходящими из моего салона, слухов не оберешься.

Слухов? Сфотографировать? Я снова начинаю нервничать, представляя папарацци, которые таскаются за мной по пятам. Насколько семья Уильяма знатная, чтобы ею заинтересовались журналисты? Мне хочется скорее снять платье и бежать отсюда. Лучше – сразу в аэропорт и домой, в Москву. Но как же моя учеба и Оксфорд? Вроде бы, пока мы гуляли с Уильямом, репортеры нас не преследовали. Не стоит нагнетать раньше времени!

Пока я задумалась, Кэролайн с Дайаной поднимаются на подиум. Кэролайн официально представляет мне подругу и хозяйку салона. А та обходит меня вокруг, разглядывая, как манекен.

– Что ж, хороший силуэт, тонкая талия, я примерно представляю, что будем шить... – задумчиво говорит она.

– Шить? – пораженно переспрашиваю я.

– Дайана шила мне свадебное платье, – с гордостью объясняет Кэролайн.

– Как будто еще вчера, – с улыбкой добавляет владелица салона и по совместительству дизайнер. Похоже, одна из самых именитых в Лондоне. Недаром ее салон находится в самом центре, а в ее платьях выходят замуж аристократки. – А ты совсем не изменилась, Кэролайн.

Судя по возрасту Уильяма, со свадьбы Кэролайн прошло не меньше двадцати пяти лет. Но похвала дизайнера ей приятна, и ее губы, покрашенные светло-розовой помадой, трогает улыбка.

– Твое платье было потрясающим, – возвращает она комплимент. – Я до сих пор храню его в отдельной комнате и люблю, как произведением искусства.

Я чувствую, как потею от волнения, и до смерти боюсь испортить то белоснежное свадебное платье, в котором стою. Скорее бы его с меня сняли! Зачем вообще было мерить, если Кэролайн знала, что платье придется шить?

– Когда свадьба? – деловито спрашивает Дайана.

– Дату еще не выбрали, но ориентировочно – июль-август.

Я нервничаю все сильнее, пока мать жениха и свадебный дизайнер обсуждают мою свадьбу, как будто меня тут нет и я ничего не решаю. Я вообще впервые слышу про свадьбу в июле-августе! Это ведь уже через пять-шесть месяцев? Ой, мамочки!

– Что ж, времени достаточно, – кивает хозяйка салона. – На следующее лето у меня пока есть свободные места.

– В том и дело, Дайана, – Кэролайн бросает на нее взволнованный взгляд, – свадьба этим летом.

– Уже этим летом? – Дизайнер выглядит настолько шокированной, как будто свадьба уже завтра, а не через полгода.

– Ты сможешь найти для нас время? – Кэролайн умоляюще смотрит на нее, стиснув руки у груди.

Как будто от этого платья зависит мое семейное счастье с Уильямом.

– Даже не знаю, – Дайана медлит. – Ты же знаешь, я шью не больше двух платьев в месяц, а это лето уже все забронировано.

– Пожалуйста, Дайана! Для меня это очень важно, – уговаривает Кэролайн.

А для меня вообще-то не очень. Я с изумлением наблюдаю за их беседой. Это я, на минуточку, замуж выхожу. А у Кэролайн уже была своя свадьба в платье мечты.

– Хорошо, я постараюсь, – соглашается Дайана. – Как я могу отказать своей любимой невесте?

Кэролайн счастливо сияет и от избытка чувств даже касается локтя Дайаны, легонько сжимая его в знак благодарности.

– Спасибо, Дайана!

Я окончательно перестаю что-то понимать. Разве свадьба Кэролайн не была почти четверть века назад? Разве после этого Дайана не сшила еще уйму платьев? Сотню или даже тысячу? Или свадьба Кэролайн была таким запоминающимся событием, что по сравнению с ней остальные меркнут?

– Только не забудь прислать приглашение на свадьбу, – с улыбкой добавляет Дайана.

– О чем речь! Разумеется, ты приглашена! – горячо обещает Кэролайн.

– В таком случае, – дизайнер останавливает взгляд на мне, а я чувствую себя бабочкой, которую прищипили в витрине, – я сегодня же сниму мерки.

Дайана дает знак девушке-консультанту, и та отводит меня обратно в примерочную, помогая избавиться от платья. Вместе с роскошным нарядом с меня спадает и аристократический лоск. Я переодеваюсь в джинсы, свитерок и куртку из масс-маркета, меняю элегантные туфли с витрины на привычные растоптанные кроссовки и снова становлюсь невзрачной Золушкой. Теперь даже девушка-консультант в своем форменном платье пастельного цвета выглядит более стильно и дорого, чем я. Решаю оставить волосы заколотыми, чтобы не выглядеть растрепой. Хотя укладка ракушкой

диссонирует с одеждой в повседневном стиле.

Возвращаюсь в зал, где меня ждут Кэролайн с хозяйкой. На фоне элегантно одетых леди, среди шикарных свадебных платьев, белизна которых слепит глаза, чувствую себя лишней. Зеркала отражают растерянную девушку в простой одежде, которой не место среди этой кричащей роскоши.

– Идем, Джейн, – окликает меня Кэролайн.

Дайана подходит к одному из зеркал в полный рост, касается завитушки на белой резной раме, и зеркало отъезжает в сторону, приглашая внутрь. Вот в чем секрет эффектного появления хозяйки в центре зала! Если не знать, что за этим зеркалом – потайная дверь, никогда не догадаешься!

Вхожу в дверь, как сквозь волшебный портал, и попадаю в помещения, скрытые от покупателей.

Вслед за хозяйкой мы проходим по коридору, полному дверей, затем оказываемся в швейной мастерской, и две швеи поднимают головы от работы. Одна, помоложе, застрачивает подол свадебного платья из белоснежной тафты. Ее коллега постарше пришивает жемчужинки на корсаже другого свадебного платья.

Дайана останавливается, интересуясь у первой швеи, все ли готово к примерке. И та говорит, что вот-вот закончит.

– Мисс Блейк будет через час, – Дайана проверяет время на часах на стене. – Поспешите!

Мастерица бросает на меня короткий взор, и у меня вырывается:

– Красивое платье! – Мой взгляд скользит по воздушным волнам тафты, напоминающим пачку балерины, на столе у швеи. Так и хочется запустить в них руку! Платье – настоящее произведение искусства.

– Это? – Дайана изумленно приподнимает бровь. – Из массовой коллекции. Мы такие пачками шьем.

Судя по пренебрежению в ее взгляде, неизвестная мне мисс Блейк не относится к числу важных клиенток, и ее свадьба событием года не станет.

– Вот это – настоящая ручная работа, – Дайана проходит ко второй швее и одобрительно рассматривает ее вышивку. – Хорошо потрудились, Салли!

Салли польщенно улыбается, а я разглядываю мастерскую – в ней еще с десяток рабочих мест, но они пустуют.

– Зимой свадеб немного, – объясняет Дайана, продолжая путь по мастерской. – Никому не хочется мокнуть под дождем или снегом. Даже в объятиях жениха.

Из мастерской мы снова попадаем в коридор, и Дайана толкает одну из дверей, приглашая внутрь. Я жду, что мы окажемся в ее кабинете со столом, заваленным рабочими эскизами, но это пустая светлая комната с небольшим подиумом и зеркалами на стенах. А у стены стоит трюмо, похожее на примерный столик.

– Раздевайся, Джейн. Я сниму мерки.

Дайана подходит к трюмо, достает из ящичка сантиметр и блокнот с ручкой. Блокнот отдает Кэролайн, а сама с сан-

тиметром подходит ко мне.

– Джейн? – Она нетерпеливо смотрит на меня.

Понимаю, что дизайнер оказывает мне честь, лично снимая мерки и соглашаясь сшить для меня платье, а не поручив меня заботам портних. Но чувствую себя неловко, что придется раздеться не только перед ней, но и перед Кэролайн. Как-то странно, что мать жениха увидит меня голой раньше, чем сам Уильям. Мелькает мысль, что весь этот визит в свадебный салон задуман ради того, чтобы посмотреть на меня без одежды. Может, Кэролайн хочет убедиться, что у меня нет вульгарных татуировок и кожных заболеваний?

– Джейн, милая, – теперь и сама Кэролайн смотрит на меня в ожидании.

– Что снимать? – в смятении уточняю я.

– Все, – звучит ответ.

Все? Я в еще большем замешательстве вскидываю глаза.

– Нижнее белье можешь оставить, – добавляет Дайана.

Я раздеваюсь и остаюсь в одних белых хлопковых трусиках в синий горошек и белом спортивном лифчике под их перекрестными взглядами. Знаю-знаю, бельишко так себе, даже не комплект. Но я же в университет одевалась. Знала бы, что предстоит обнажиться перед английскими леди, надела бы кружевной комплект, как для визита к врачу.

Кэролайн бросает на меня короткий взгляд, окидывая с головы до ног, как невольницу на рынке, и словно решая, подхожу я ее сыну или нет. А затем раскрывает блокнот, го-

товая записывать мерки.

Дайана изучает меня дольше, обходя с разных сторон. Должно быть, мысленно наряжает меня в разные платья и выбирает, какое больше подойдет.

– Что ж, – говорит она, – мне все ясно. Записывай, Кэролайн.

Она опоясывает сантиметром мою грудь и диктует мерки. Затем спускается к талии и спрашивает:

– Следует ли мне оставить запас?

Я непонимающе смотрю на нее, и Кэролайн отвечает за меня:

– Нет-нет, Джейн не планирует... поправляться.

Я густо краснею, когда до меня доходит, о чем речь. Дизайнер интересуется, не в положении ли я!

Затем она обмеряет мне бедра, длину руки до локтя и до запястья, а в конце измеряет мой рост от плеча до пола. Для этого ей приходится опуститься на корточки, и я чувствую себя в высшей степени неловко, когда эта утонченная английская леди склоняется к моим ногам.

– Можешь одеваться, Джейн, – выпрямившись, позволяет она.

Я хватаюсь за джинсы, торопясь скорее прикрыться и не чувствовать себя такой уязвимой перед ними.

– Думаю, первую примерку можно будет провести месяца через полтора, в апреле, – говорит она, забирая у Кэролайн блокнот.

– А успеем? – волнуется Кэролайн, пока я застегиваю джинсы и натягиваю свитер.

– Хорошее платье не терпит спешки, – веско отвечает ей Дайана, и Кэролайн умолкает, хотя я вижу, что она хотела задать еще какой-то вопрос.

– Какое оно будет? – спрашиваю я, зашнуровав кроссовки и выпрямляясь. Теперь я снова одета и чувствую себя уверенней, чтобы задать вопрос, который меня волнует. После того, как Дайана измерила длину рукава, я представила себе старомодное викторианское платье с кружевными рукавами. Такое я точно не хочу!

Дайана и Кэролайн смотрят на меня с таким изумлением, что я теряюсь. Что я спросила не так? Может, они меня не поняли из-за акцента, который у меня прорезался от волнения?

– Какое будет платье? – медленно и отчетливо проговаривая каждое слово, повторяю я.

– Ты разве не предупредила? – Дайана бросает взгляд на Кэролайн, и та легонько качает головой. Дизайнер снова оборачивается ко мне. – Я шью платье индивидуально, для каждой невесты. Ты увидишь его, когда оно будет готово целиком.

– Но какое оно будет? – теряюсь я. – Прямое, пышное, с рукавами или без, длинное или короткое?

– Могу точно гарантировать, что коротким оно не будет, – невозмутимо говорит Дайана.

И я прикусываю губу. В самом деле, я не в сериале «Диккий ангел», а в консервативной Англии, где собираюсь выйти замуж за наследника аристократического семейства. Теперь понятно, почему Кэролайн заставила меня примерить готовые свадебные платья – ей сразу хотелось увидеть, как я буду выглядеть в роли невесты.

– Оно будет идеальным, – ободряюще улыбается мне Кэролайн.

Идеальным для кого – для меня или для нее? Мне хочется напомнить, что невеста – я, но я запинаясь, вспомнив, что я даже не могу оплатить это платье. Его заказывает Кэролайн, и от этого мне неловко. Стану спорить – буду выглядеть неблагодарной. Раз Кэролайн выходила замуж в платье от Дайаны и привела меня к ней, значит, для нее это важно. Чтобы невеста ее любимого сына выглядела идеально в день свадьбы. А уж вкус у Кэролайн явно лучше, чем у меня, и ей виднее, в каких платьях стоит выходить замуж невестам в их старинном роду.

– Не сомневаюсь, – кротко отвечаю я и вижу одобрение в глазах Снежной Каролины.

– Я позвоню, чтобы запланировать день примерки, – дизайнер обращается к Кэролайн, невольно или нарочно подчеркивая, кто здесь заказчик. Значит, при примерке тоже будет присутствовать Кэролайн. – Что ж, не буду вас больше задерживать! – добавляет она, но по ее тону понятно, что это мы ее задерживаем, а не она нас.

Мы прощаемся с ней, и Дайана сопровождает нас до служебного входа, открывая дверь в тихий переулок на углу магазина.

– Никто не сошьет платье лучше, чем Дайана, – говорит мне Кэролайн, когда мы остаемся наедине.

– Должно быть, это очень дорого, – робко замечая я.

– У невесты Уильяма должно быть все самое лучшее, – тоном, не терпящим возражений, заявляет она.

А лучшая ли для Уильяма я? События развиваются слишком стремительно. Еще утром, собираясь на занятия, я не ожидала того, что днем окажусь в Лондоне и буду примерять свадебное платье в одном из лучших салонов. А сейчас, уже через полтора месяца, запланирована примерка свадебного платья, а через полгода – свадьба! Все это кажется каким-то сном, который затянулся. И, вообще, почему мы обсуждаем свадьбу с матерью Уильяма без него самого? Такое чувство, что эта свадьба больше нужна матери, а не сыну.

– Я не уверена, что стану лучшей парой для Уильяма, – решаюсь признаться я Кэролайн.

Пока о помолвке не объявлено официально и платье не начали шить, еще не поздно все отменить, так ведь? Я с надеждой смотрю на Кэролайн. То, что происходит, похоже на сказку. И, признаться, я поддалась очарованию свадебного салона и мечтаю увидеть себя невестой Уильяма. Но меня не покидает чувство, что эта сказка – не моя.

– Очень хорошо, что ты это понимаешь, – мягко говорит

Кэролайн в ответ на мои слова, а затем бросает взгляд на изящные часики на запястье. Удивительно, что в наше время кто-то еще носит наручные часы! Все-таки англичане ужасно старомодны. – Четыре часа, – сообщает она. – Ты не откажешься выпить со мной чашку чая? Нам стоит о многом поговорить.

Глава 6

Когда машина останавливается перед знаменитым пятизвездочным отелем, я с удивлением выхожу вслед за Кэролайн. Кафе где-то рядом? Но Кэролайн идет прямо к дверям отеля, швейцар услужливо открывает их, и вслед за ней я оказываюсь в просторном шикарном холле, который поражает роскошью, и я снова чувствую себя не на своем месте. Кэролайн остановилась здесь и хочет пригласить меня на чай в свой номер?

– В этом отеле одна из лучших чайных, – объясняет она, видя мое недоумение.

Мы пересекаем холл и входим в красивый зал со множеством окон. Почти все столики заняты, но нас проводят к свободному и убирают с него табличку «забронировано». То ли Кэролайн зарезервировала столик заранее, то ли их оставляют для людей ее круга на случай, если на файф-о-клок заглянет настоящий английский лорд или леди.

Меню нам не предлагают. Видимо, вкусы Кэролайн здесь и так известны. И, пока мы ждем, Кэролайн заводит беседу.

– Мои родители не были аристократами, – признается она.

– Правда? Я думала, такой утонченной, как вы, надо родиться, – в ошеломлении вырывается у меня, и губы Кэролайн трогает тонкая улыбка.

– Вовсе нет. Достаточно иметь желание стать леди.

Кэролайн испытующе смотрит на меня, как будто пытается определить, насколько сильно мое желание. Да у меня его вообще нет, если честно! Все, чего я хочу, – это получить диплом Оксфорда, а вовсе не стать женой наследного лорда. Кстати, кто там Уильям на самом деле?

– Мне пришлось многому научиться, чтобы стать достойной Джеймса, – продолжает Кэролайн. – Мы полюбили друг друга, и мне не хотелось, чтобы он за меня краснел.

Теперь уже краснею я, вспомнив, как вскочила из-за стола у них дома, и как все семейство выглядело шокированным моим поступком, нарушившим этикет.

– И как вы учились? – спрашиваю я, чтобы поддержать беседу.

– Есть немало обедневших аристократок, которые дают уроки этикета. Я училась у лучшей – леди Маргарет. Она бывшая королевская фрейлина. Это она впервые привела меня сюда и угостила настоящим английским чаем.

А теперь, значит, эту роль Кэролайн взяла на себя – чтобы взять шефство надо мной? Я не успеваю спросить – к нашему столику возвращается официант, тожественно неся трехъярусный серебряный поднос и водружая его на стол. Я в ошеломлении смотрю на эту пирамиду. Внизу – миниатюрные сэндвичи, посередине – крошечные пирожные, а верхний ярус накрыт белой салфеткой. Это все для нас двоих?

Кэролайн не притрагивается к еде, и я тоже сижу смирно, хотя при виде закусок во мне пробуждается аппетит. Я ведь

только утром дома перехватила йогурт и чай, а после занятий не успела пообедать – меня сразу забрал водитель Кэролайн и повез в Лондон.

– Ты умная девушка, Джейн, – продолжает Кэролайн. – Учишься в Оксфорде, и уж этикет и манеры точно освоишь. Это вопрос времени и хорошего учителя.

– Вы будете учить меня? – спрашиваю я.

– Я? – Кэролайн удивленно вздергивает бровь. – Учиться надо у лучших. Я поговорю с леди Маргарет, чтобы она занялась твоим обучением.

– А она еще жива? – изумленно вырывается у меня, и под укоризненным взглядом Кэролайн я прикусываю язык.

– Леди Маргарет сейчас за семьдесят, но она в здравом уме и твердой памяти, – говорит Кэролайн.

Я представляю себе древнюю мумию в старомодном платье, и мне становится не по себе. Целоваться с Уильямом среди развалин старого замка было куда приятнее, чем учиться быть леди под руководством аристократки, из которой сыпется песок!

– Так что, Джейн, ты согласна? – спрашивает Кэролайн.

– Должно быть, такие уроки очень дороги, – осторожно отвечаю я.

– На этот счет не беспокойся. Все расходы я беру на себя.

– За это я и беспокоюсь, – замечаю я.

– Не бери в голову. Ты станешь частью нашей семьи, это вложения в семью.

К столу снова подходит официант с серебряным чайником, церемонно разливает чай по белым фарфоровым чашкам на столе и удаляется.

– Здесь очень хороший чай, – Кэролайн берет свою чашку и делает глоток.

Я повторяю за ней и с трудом не морщусь. Чай крепкий, я привыкла к более слабой заварке. Но приходится изобразить восторг, ведь именно этого ждет от меня Кэролайн.

– Очень вкусно!

Кэролайн кивает, как экзаменатор на экзамене. Почему рядом с ней у меня постоянно чувство, что меня проверяют и выставляют баллы – от одного до десяти? Я бросаю взгляд на сэндвичи на нижнем ярусе – очень хочется есть, но Кэролайн еще не притронулась к еде, и я не решаюсь взять первой.

– Когда ты сможешь приступить к урокам у леди Маргарет? – спрашивает она.

Я теряюсь. Одно дело – согласиться на уроки вообще, когда-нибудь потом. Хотя формально я даже не сказала «да»! А другое – назначить конкретную дату.

– Скажем, послезавтра? – уточняет Кэролайн.

Я вздрагиваю. Так скоро?

– Надо посмотреть мое расписание, – бормочу я. – Вы же понимаете, в Оксфорде все мое время занято учебой.

– Разумеется, учеба важна, – кивает Кэролайн. – Но у нас не так много времени до свадьбы, чтобы тебя натаскать. Тебе придется постараться, Джейн.

Под ее взглядом я горблюсь и соглашаюсь.

– Хорошо, послезавтра.

– Я договорюсь с леди Маргарет, – довольно кивает Кэролайн. – И на первое занятие отвезу тебя сама, чтобы представить ей.

Она берет с нижнего подноса маленький сэндвич с сыром, но у меня уже пропал аппетит. Перед глазами так и стоит мушкетерша в викторианских кружевах, которая бьет меня указкой по рукам, как Джейн Эйр – в пансионе для девочек.

– Попробуй сконы, – предлагает Кэролайн, приподнимая салфетку, которой укрыт верхний ярус пирамиды, и берет одну из круглых плоских булочек. – Они с настоящими томлеными сливками, а не со взбитыми, как их часто подают в других местах.

Мне совсем не хочется есть, но булочки выглядят аппетитно, и я беру одну из них с подноса – еще теплую. Кэролайн изящно ломает свою булочку пополам и намазывает сливки на обе половинки, изящно орудуя серебряным ножиком, а сверху добавляет еще джем. Я повторяю за ней, как примерная ученица. Она еще что-то говорит, но я не слушаю ее, с тревогой думая – на что я согласилась? Впрочем, уроки хороших манер – это еще не свадьба. В жизни все может пригодиться!

От сладкого на голодный желудок меня мутит. Я запиваю скон с томлеными сливками и джемом крепким чаем, но от его горечи меня мутит еще сильнее.

– Простите, – бормочу я, отодвигая чашку. – Можно мне посетить дамскую комнату?

Кэролайн объясняет, куда пройти, и я быстро выхожу из зала, стараясь не сорваться на бег и боясь, что меня стошнит прямо на роскошные ковры в чайной. Вот будет позор!

В помпезной дамской комнате я умываюсь холодной водой и слегка прихожу в себя. Из зеркала на меня смотрит мое измученное бледное отражение, а вовсе не счастливая невеста, какой мне положено быть. Вот сейчас вернусь к Кэролайн и скажу ей все начистоту. Мне нравится Уильям, но замуж мне слишком рано. Поэтому никаких примерок у Дайаны и уроков этикета у леди Маргарет!

Полная решимости, я вхожу в чайную и сажусь за столик к Кэролайн, которая как раз заканчивает телефонный разговор.

– Все в порядке, Джейн? – спрашивает Кэролайн, кладя мобильный на стол.

– Да, – киваю я, чувствуя, как меня охватывает волнение. Чтобы успокоиться, беру чашку и делаю глоток чая.

– Вот и отлично, – светским тоном говорит Кэролайн. – А я как раз позвонила леди Маргарет. Она ждет нас послезавтра в четыре у себя дома.

Я с грохотом ставлю чашку на блюдце и с трудом проглатываю чай, который кажется отравой.

– Я не могу, Кэролайн. Это все не для меня, – слабо бормочу я и умоляюще смотрю на нее, ожидая поддержки.

– Все в порядке, Джейн, – она ласково кивает мне. – Ты просто переволновалась. Не удивительно, столько событий за день.

Она еще что-то говорит, но я ее не слышу. Перед глазами плывет, и последнее, что я вижу – это чашка чая на столе, в которую я падаю, как в черную дыру.

– Нервное перенапряжение, – констатирует доктор, который осматривает меня, когда я прихожу в себя на белых простынях в чужой кровати. Кэролайн стоит у окна и встревоженно прислушивается к нему.

Я с удивлением оглядываю роскошную обстановку – антикварная мебель, бархатные зеленые портьеры. Сначала мне кажется, что Кэролайн отвезла меня к себе домой, но потом понимаю, что нахожусь в номере отеля. Должно быть, меня перенесли сюда из чайной на первом этаже, когда я позорно грохнулась в обморок.

– Что случилось? – слабым голосом спрашиваю я.

– Джейн, милая, ты потеряла сознание, – объясняет Кэролайн, приближаясь к кровати.

Я хочу приподняться, но она делает жест рукой:

– Лежи, тебе нужно отдыхать! Номер оплачен на сутки.

Я растерянно замираю на кровати. В мои планы вовсе не входило ночевать в отеле. Но я чувствую себя настолько слабой и разбитой, что при мысли о том, что придется проделать почти два часа на автомобиле до Оксфорда, мне снова

становится дурно.

– Мне завтра с утра на занятия, – слабо бормочу я, а в голове мелькает мысль взять у доктора справку для института. Но в Оксфорде не ведут учет посещений. Хоть вообще на занятия не ходи – главное, экзамены, и эссе сдавай. Здесь не контролируют студентов, как в России, и Дэн Громов этим вовсе пользуется, прогуливая занятия. Не представляю, как он собирается сдавать сессию. А мне, пожалуй, и правда лучше остаться в отеле.

Я откидываюсь на подушку, приняв решение. Ничего страшного не сделается, если пропущу один учебный день. К тому же, если выехать из отеля рано, я еще успею на пары, кроме первой.

Кэролайн провожает доктора и возвращается к моей постели.

– Тебе нужно поесть, Джейн, – волнуется она. – Я закажу ужин в номер. Что бы ты хотела?

– Все равно, – бормочу я. И мне снова становится дурно при мысли о ценах в этом отеле.

– Рыбу и чипсы? – предлагает Кэролайн.

Я киваю, решив, что традиционное блюдо не должно стоить слишком дорого.

Пока Кэролайн диктует заказ по стационарному телефону, который стоит на тумбочке у кровати, откуда-то издалека доносится сигнал моего мобильного.

– Я принесу! – Кэролайн машет рукой, чтобы я не встава-

ла, кладет трубку и выходит из спальни, возвращаясь с моей сумочкой.

– Это Уильям, – говорю я, бросив взгляд на экран. Телефон уже перестал звонить, звонок оборвался, и я не знаю, как следует себя вести. Перезвонить Уильяму и рассказать ему обо всем? Или умолчать о том, что я пила чай с его матерью и мне стало плохо?

– Ответь, – мягко советует Кэролайн. – Он же волнуется. Я перезваниваю Уильяму и слышу его голос – впервые с того дня, как мы были в гостях у его родителей.

– Дженни, я соскучился. Давай увидимся? Если ты не занята...

Приходится признаться, что я в Лондоне, в отеле, с его матерью. Уильям ничего не понимает из моих сбивчивых объяснений, и тогда Кэролайн протягивает руку за телефоном:

– Дай мне его.

Я протягиваю телефон и откидываюсь на подушке, прикрыв глаза. Короткий разговор с Уильямом лишил меня сил. Пусть его мать сама объяснит ему, что случилось. Я особо не вслушиваюсь, но до меня долетают ее отдельные слова:

– Поговорить о свадьбе... Просто переутомилась... Не стоит волноваться...

Кажется, Уильям хочет приехать, но Кэролайн обещает:

– Я сама за ней присмотрю, – и прощается с сыном.

Она возвращается к кровати и кладет телефон на тумбочку. Я не открываю глаз, притворяясь, что задремала. Посто-

яв у изголовья, Кэролайн еле слышно отходит от кровати. И только чуть скрипнувшее кресло у окна сообщает о том, что она не покинула номер, а в самом деле решила остаться, как любящая мать у постели больной дочери. От этой мысли мне вдруг становится тепло и уютно, а если не открывать глаз и не смотреть на Кэролайн, можно представить, что рядом со мной и правда мама... Додумать эту мысль я не успеваю – проваливаюсь в сон.

Не знаю, как долго я проспала, но, когда открываю глаза, в спальне уже темно. Кэролайн все так же сидит в кресле у окна, я вижу только темный силуэт и удивляюсь: она что, собирается провести так всю ночь? Хочу ее окликнуть, но не решаюсь – вдруг она уснула?

Осторожно откидываю одеяло и свешиваю ноги с кровати, ставя их на пушистый ковер. Я полностью одета, даже неудобно, что я лежу на хрустящих белых простынях в джинсах и свитере. Собираюсь подняться, чтобы попить воды и сходить в туалет, но мне не дают. Тень отделяется с кресла и нависает надо мной.

– Все в порядке, Кэролайн, – бормочу я. – Я просто хотела попить воды...

– Дженни, – шепчет тень мужским голосом и ловит мою руку.

– Уильям? – удивляюсь я, вглядываясь в темноту, и не могу понять, не брежу ли я.

Уильям взволнованно сжимает мою руку, и я чувствую знакомый прохладный аромат его парфюма с нотками лимона и бергамота. Выходит, он и в самом деле тут, это не сон.

– Тебе лучше? – спрашивает он.

– Да, – я киваю и чувствую, как голова снова идет кругом.

Я ведь так и не успела поесть, прежде чем заснула.

– Тебе принести воды? Или заварить чаю?

Я вспоминаю крепкий чай, который пила с его матерью, и вздрагиваю.

– Лучше воды!

– Сейчас. Ты не против, если я включу ночник?

Уильям зажигает лампу с абажуром на тумбочке у кровати, и в ее приглушенном свете я наконец вижу его лицо – красивое, встревоженное и уставшее.

– Зачем ты приехал? – вырывается у меня.

От него не было ни слуху ни духу почти неделю, с тех пор как мы побывали в гостях у его родителей. А теперь он скрывается в Лондон по первому звонку!

– Я волновался о тебе.

– Я думала, ты меня бросил, – вырывается у меня, и от этих слов на губах становится горько.

Сейчас, когда Уильям стоит рядом со мной, я понимаю, что успела привязаться к нему, и мне было бы больно его потерять. Если это не любовь, тогда что?

– Да ты что, Дженни, – виновато бормочет он. – Просто рабочая неделя выдалась напряженная. Каждый вечер хотел

тебе позвонить, но приходил уже поздно и не стал тебя беспокоить...

– Мог хотя бы эсэмэс написать, – упрекаю я.

Уильям на миг застывает. Наверное, будь я английской девушкой, мне стоило бы принять его объяснения и не выдать укора, но я так не могу. Я хочу знать, что между нами происходит. Почему Уильям избегает меня, а потом его мать тащит меня в свадебный салон и заказывает мне подвенечное платье.

– Прости, – покаянно говорит Уильям после заминки.

И я жду, что он поцелует меня, чтобы вымолить прощение. Но он отворачивается, чтобы налить мне воды из бутылки, стоящей на столе у телевизора.

Просто прости? Я молча принимаю стеклянный бокал из его рук и пью воду – она прохладная, как из холодильника, потому что в номере не слишком топят. Я начинаю зябнуть, и мне хочется снова нырнуть под теплое одеяло. Но я стесняюсь это сделать при Уильяме. Это вообще нормально, что мы вдвоем в номере ночью?

– Где твоя мама? – спрашиваю я, осушив бокал и поставив его на тумбочку.

– Я отпустил ее.

В полутемной спальне повисает напряженная тишина. Где-то за окном шумит неспящий Лондон, гудят машины и доносится взрыв хохота с улицы. Не все британцы такие сдержанные, как мой английский принц. Кто-то позволяет себе

проявлять эмоции и веселиться на полную катушку.

– Я сказал, что сам побуду с тобой, – нарушает молчание Уильям. – Но если ты не хочешь, то я уйду.

– Не уходи, – вырывается у меня, когда я представляю, что останусь в этом большом холодном номере одна.

Губы Уильяма трогает улыбка.

– Не против, если я выпью чая? – спрашивает он.

– Я тоже не прочь согреться, – киваю я.

– Тебе холодно? – Уильям смотрит на меня удивленно, как будто в комнате жара. – Сейчас, я прибавлю отопление. – Он подходит к окну и крутит какое-то колесико у батареи.

Такой заботливый! Затем он выливает оставшуюся воду из бутылки в электрический чайник на столе и включает его. А я шарю взглядом по комнате в надежде найти рыбу с чипсами, которую заказывала для меня Кэролайн. Но никакой еды не вижу – то ли Кэролайн отослала официанта обратно, то ли перекусила сама, пока я спала.

– А шоколадки к чаю нет? – спрашиваю я, чувствуя, как меня все сильнее одолевает голод.

– Может, хочешь поужинать? – предлагает Уильям, пристально глядя на меня.

– Если честно, очень! – признаюсь я.

– Я закажу доставку в номер. Что ты будешь?

– На твой вкус.

Пока Уильям звонит по стационарному телефону, я проскользываю в ванную, нахожу там набор для постояльцев –

паста, зубная щетка, расческа. Чищу зубы и привожу себя в порядок, напоследок прохожусь расческой по спутанным после сна волосам. Вероятно, Кэролайн вынула шпильки из моих волос, когда укладывала меня в постель. И от этой мысли на душе становится теплей. Что плохого в том, что у меня появится не только любящий муж, но и заботливая мать?

Замечаю темные пряди у лица, принимаюсь и понимаю, что это брызги чая. Несколько пятнышек попало на мой голубой свитер. Я ведь упала лицом на стол, должно быть, опрокинула свою чашку. Надеюсь, сцена была не слишком безобразной, и Кэролайн не пришлось за меня краснеть. Хотя кого я обманываю? Конечно, пришлось! Наверняка она сто раз пожалела, что пригласила меня в свою любимую чайную. Может, после такого конфуза она больше никогда не решится посетить ее снова.

– Джейн, с тобой все в порядке? – Уильям деликатно стучит в дверь, обеспокоенный тем, что я зависла в ванной надолго.

Я распахиваю дверь, и мы с Уильямом оказываемся лицом друг к другу. Не успеваю ничего сказать, как он делает ко мне порывистый шаг, а его руки крепко обнимают меня за талию.

Хорошо, что я почистила зубы, успеваю подумать я, прежде чем губы Уильяма жарко и нежно накрывают мои. Он целует меня осторожно, словно боясь напугать или навредить. Может, боится, что я от избытка чувств снова хло-

быстнись в обморок? Но его поцелуи, напротив, придают мне сил и энергии. Я чувствую себя любимой и желанной и сейчас готова пойти с Уильямом куда угодно – хоть под венец. Лишь бы он был рядом и дарил мне это ощущение тепла и заботы.

Кажется, этот внезапный поцелуй ошеломил и самого Уильяма. Он мягко отстраняется, заглядывая мне в лицо и словно боясь, что увидит в нем осуждение. Но я широко улыбаюсь:

– Я так рада тебя видеть!

Уильям тоже улыбается в ответ, а затем подхватывает меня на руки и с нежностью шепчет:

– Моя маленькая Джейн.

Он несет меня к кровати, и сердце замирает при мысли, что последует за этим. Мы ведь одни в гостиничном номере, мы жених и невеста, и никто нам не помешает. Но почему-то внутри все испуганно сжимается, и, когда Уильям кладет меня на постель, я леденею от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.